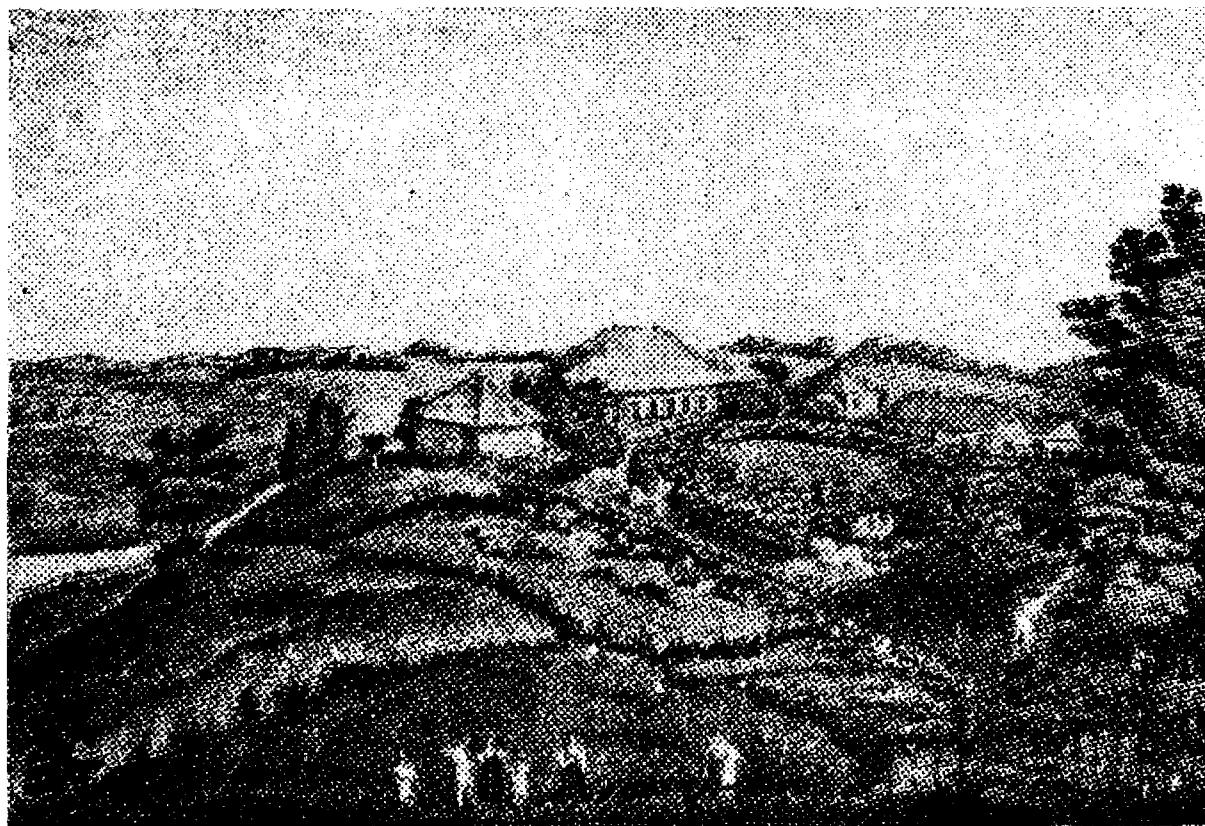

**ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

А. ГОРДИН

ПУШКИНСКИЙ ЗАПОВЕДНИК

ПСКОВ · ОБЛПОЛИГРАФИЗДАТ · 1947

ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
АКАДЕМИИ НАУК СССР

А. ГОРДИН

ПУШКИНСКИЙ ЗАПОВЕДНИК

ПСКОВ · ОБЛПОЛИГРАФИЗДАТ · 1947

Государственный Пушкинский заповедник Академии наук СССР находится в Пушкиногорском районе Псковской области, в 120 км от г. Пскова и в 5 км от районного центра Пушкинские Горы.

В заповедник входят сёла: Михайловское, Тригорское, Петровское; Савкина Горка, Городище Воронич, Свято-Троицкий монастырь с Могильным холмом (согласно постановлению СНК СССР от 17 марта 1922 г. и постановлению Исполкома Калининского областного Совета депутатов трудящихся от 4 августа 1936 г.)

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН

С портрета работы художника В. А. Тропинина 1827 г.

1. ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

В героической борьбе с фашизмом советский народ отстоял свободу, честь и независимость своей Родины, свою великую культуру.

Среди великих сынов русского народа, прославивших свою Родину, обогативших культурную сокровищницу человечества, вооруживших свой народ в его борьбе за торжество разума и свободы, Пушкину принадлежит одно из первых мест.

«... Великий русский народный поэт, создатель чарующих красотой и умом сказок, автор первого реалистического романа «Евгений Онегин», автор лучшей нашей исторической драмы «Борис Годунов», — поэт, до сего дня никем не превзойденный ни в красоте стиха, ни в силе выражения чувства и мысли, поэт — родоначальник великой русской литературы»* — Пушкин близок и дорог каждому советскому человеку.

Нам близки и дороги его правдивые творения — неиссякаемый источник любви к Родине, к человеку, к свободе, его кипучая жизнь — подвиг во имя Родины, её светлого будущего.

В. И. Ленин любил Пушкина за ясность и простоту, скоторыми он умел передавать большие человеческие мысли и чувства. И. В. Сталин назвал Пушкина в ряду величайших деятелей культуры, составляющих национальную гордость русского народа.**

Книги Пушкина выходят в нашей стране миллионными тиражами и давно стали общенародным достоянием.

Места, где жил и творил поэт, где поконится его прах, окружены вниманием и любовью всего народа, составляют его национальную святыню.

*) М. Горький. О Пушкине.

**) И. В. Сталин. Доклад 6 ноября 1941 г.

**Усадьбы Михайловское, Тригорское, Петровское, б. Свя-
тогорский монастырь особенно тесно связаны с жизнью и
поэзией Пушкина. Связь эта не внешняя, случайная, а глу-
бокая, органическая.**

Не заезжим гостем в чужом kraю, а коренным жителем
в родном доме был Пушкин в Михайловском.

На протяжении всей своей сознательной жизни приходит
поэт под сень Михайловских и Тригорских рощ; навсегда,
говоря словами его юношеского стихотворения, оставляет им
своё сердце.

Сюда приезжал он пылким юношей в 1817 и 1819 гг.;
здесь провёл изгнаником два года (1824—1826), сосланный
царём за вольнолюбивые стихи и «опасные» идеи; сюда стремил-
ся он, усталый и озлобленный, насладиться деревенским
«покоем и волей» незадолго до смерти, в 1835—1836 годах;
здесь, «ближе к милсму пределу», завещал он похоронить
своё тело.

Я был рождён для жизни мирной.
Для деревенской тишины:
В глухи звучнее голос лирный,
Живее творческие сны

— писал о себе Пушкин. И всё, чем влекла его к себе
русская деревня, «всё, чем писателю насладиться дозволено», нашёл он в Михайловском. Он нашёл здесь «деревен-
скую тишину» и «деревенскую свободу», к которым жадно
стремился и в которых видел необходимые условия твор-
чества. Сблизился с народом, присмотрелся к его жизни,
познал богатство народной поэзии, народной речи. Увидел
и полюбил русскую природу, простую и прекрасную. Здесь
нашёл поэт и досуг для осуществления заветного своего
желания — «в просвещении стать с веком наравне», овла-
деть вершинами мировой культуры.

Михайловское было для Пушкина в первую очередь
«приютом спокойствия, трудов и вдохнове-
ния». Это постоянно и настойчиво подчёркивал сам поэт.

Люби зелёный скат холмов,
Луга, измятые моей бродящей ленью,
Прохладу лип и клёнов шумный кров:
Они знакомы вдохновению.

Здесь нашёл он вдохновение для бессмертных глав «Оне-
гина», для «Цыган», «Бориса Годунова», «Деревни», «19 ок-
тября», «Зимнего вечера»... Более ста художественных

произведений написано в скромной комнатке уединённого Михайловского дома только за два года, 1824—1826.

Произведения эти, составляющие гордость русской поэзии, знаменуют собою новую эпоху в творческом развитии поэта и формировании всей русской литературы. Они положили начало новой русской литературе—литературе жизненной правды, демократизма и гуманности. В творчестве Пушкина они знаменуют становление нового реалистического стиля, нового поэтического мировоззрения.

Сам Пушкин сознавал, что именно в эти годы его «творческие силы достигли полной зрелости», что прежнюю романтическую музу сменила новая — реалистическая.

...Как часто ласковая Муза
Мне услаждала путь немой
Волшебством тайного рассказа.
Как часто, по скалам Кавказа
Она Ленорой, при луне,
Со мной скакала на коне...
Вдруг изменилось всё кругом:
И вот она в саду моём
Явилась барышней уездной,
С печальной думою в очах,
С французской книжкою в руках.

(«Евгений Онегин»)

Это явление новой музы Пушкин не случайно связывает со своим «садом», своим Михайловским.

Богатство жизненных наблюдений и впечатлений, полученных в псковской деревне, постоянное общение с народом, его поэзией, природой не могли не сыграть видную роль в формировании нового реалистического стиля и поэтического мировоззрения Пушкина. Природа, быт, люди, среди которых жил поэт здесь, в Михайловском и Тригорском, не могли не найти живого отражения в его произведениях. Здесь, — писал в 1837 г. А. И. Тургенев, — «находил он краски и материалы для своих вымыслов, столь натуральных и верных и согласных с прозой и поэзией сельской жизни в России».

Прежде всего это относится к «Евгению Онегину» — «первому реалистическому роману» нашей литературы, этой «энциклопедии русской жизни».

С Михайловским связано и начало реалистической пушкинской лирики, светлой, жизнеутверждающей, пронизанной, как лучами солнца, великим пушкинским оптимизмом.

Источником этого всепобеждающего оптимизма была любовь поэта к народу, к родной природе, вера в человека, в

светлое будущее нашей страны. Не случайно здесь, в русской деревне, впервые зазвучали прекрасные пушкинские стихи, зовущие на труд и на борьбу, воспевающие разум и свет: «Вакхическая песня», «Вновь я посетил...» и др.

Жизнь, которая окружала поэта в Михайловском, — жизнь природы и народа, — одна была, по его мнению, достойна любви, и он отдал ей свою любовь.

«Страной родной», родиной называл Пушкин свою псковскую деревню. Называл не только потому, что это была земля его предков, не только потому, что он был связан с нею с ранних лет и здесь прошли многие из лучших дней его жизни, но в первую очередь потому, что он чувствовал своё глубокое духовное родство с нею, в ней оставил своё сердце, а её увековечил в своих бессмертных стихах.

Пушкин... Михайловское... — они неразрывно связаны между собой.

Знакомясь с Михайловским, мы знакомимся с Пушкиным.

Как и сто лет назад, в наши дни здесь всё говорит о поэте — каждый уголок «красою вечною сияющей» природы. На каждом шагу ощущаем мы его живого и кажется, «вечор ещё бродил» он в этих рощах.

Ярче, конкретнее раскрываются здесь перед нами замечательные страницы жизни, борьбы, творчества великого поэта. Глубже проникаем мы в безграничное богатство его поэзии. Ближе, понятнее становятся нам его благородные мысли и чувства.

Мы глядим на просторы полей, слушаем «приветный шум» лесов, и вместе с Пушкиным переживаем радостное чувство восторга перед красотой и величием нашей Родины. Пушкинские стихи звучат светлым гимном прекрасной природе и свободному народу, воплотившему в жизнь мечты поэта, гимном тому чудесному «младому и незнакомому» племени, которое избавило мир от фашистской тьмы и рабства и ради торжества света и свободы упорно и настойчиво трудится во славу своей Родины, во славу своего народа, подарившего человечеству великого Пушкина.

Вот почему так много говорят, так дороги нам сейчас старые аллеи Михайловского и Тригорского, «лесистый холм», «дорога, изрытая дождями», голубая Сороть, «подруга зеркальных озёр», полуразрушенные фундаменты бывших строений. Вот почему так бережно хранит и свято чтит их советский народ

* * *

Земли, составляющие ныне Государственный Пушкинский заповедник, расположены по берегам реки Сороти и двух небольших озёр, краем которых она протекает, — Кучане (Петровское) и Маленец. Сороть, неширокая, но глубокая и чистая река, берёт своё начало в Белоруссии и впадает в реку Великую, недалеко от старых русских городов Опочки, Острова и Пскова.

По её холмистым берегам когда-то проходила пограничная полоса русских псковских земель с Литвой и Польшей. Здесь русские люди отстаивали на протяжении столетий свою свободу и независимость от иноземных захватчиков — ратников князя Витовта, воинов Стефана Батория, ливонских рыцарей — предков современных гитлеровских разбойников. Об этом упоминает летопись уже в середине XIV века; об этом говорят и остатки древних укреплений — городища, курганы, сохранившиеся до наших дней. Вплоть до XIX века здесь проходил путь из Москвы на Литву и Польшу, и места эти сохраняли значение приграничной полосы.

Предки Пушкина впервые вступили на эту землю в середине XVIII века. 6 февраля 1746 года императрица Елизавета Петровна подписала дарственную грамоту, в которой говорилось: «Объявляем через сие, что мы наше императорское величество поименному нашего императорского величества указу заподписанием собственныя нашея руки Генваря 12 дня минувшего 1742 году нашему Генералу Маэору и Ревельскому Обер Коменданту Авраму Ганибалу, врассуждении блаженного и вечной славы достойныя памяти к родителям нашим государям их императорским величествам их нам оказанных долговременных верных его заслуг всемилостивейше пожаловали волковском уезде пригорода Воронича Михайловскую Губу, которая после кончины блаженной памяти царевны Екатерины Ивановны приписана к нашему дворцу а вооной поведомости из нашей дворцовой конторы показано по переписи Генералитетской пятьсот шестьдесят девять душ совсеми к ней принадлежащими землями ввечное владение».

Михайловская губа, полученная в вечное владение предком Пушкина, знаменитым «арапом Петром Великого» А. П. Ганибалом, включала в себя сёла Михайловское и Петровское с прилегающими к ним землями. Наименование Михайловской получила эта «губа», очевидно, от «Михайловского монастыря с городища» — одного из древних мо-

настырей, сооружённых здесь псковичами ещё в XV—XVI веках и упоминаемых в «Писцовых книгах» XVII века. Уже от названия «губы» — позднейшее название одной из усадеб. Трудно сказать с полной достоверностью, посещал ли Абрам Петрович Ганнибал свои псковские имения. Он предпочитал им имения ревельские и петербургские. Однако, вполне возможно, что бывал он и в Михайловской губе.

Основательно поселились здесь его сыновья: Осип (дед Пушкина), Пётр и Исаак, к которым имения перешли после смерти отца (в 1781 году). Старший сын Абрама Петровича, Иван Абрамович, видный военачальник екатерининской эпохи, получил земли только под Петербургом.

Михайловская губа была поделена. Осип получил «деревню Устье, что ныне называется сельцо Михайловское с деревнями: Косохновой, Репщено, Вашково» и др. Пётр — «деревню Кучани, что ныне сельцо Петровское», с прилегающими деревнями. Исаак — «деревню Оклад, что ныне называется сельцо Воскресенское с деревнями».

Михайловское принадлежало Осипу Абрамовичу до 1806 года и после смерти его в этом году досталось, с несколько меньшим количеством земель и деревень, его законной жене Марии Алексеевне (бабушке поэта) и единственной дочери Надежде Осиповне (матери поэта). Если О. А. Ганнибал постоянно жил в своём псковском имении, то Пушкины бывали в нём лишь наездами, весьма редко, целиком полагаясь на управляющего, нещадно обворовывавшего их. В 1836 году, после смерти Надежды Осиповны, Михайловское по наследству перешло к А. С. Пушкину, сестре его Ольге и брату Льву. Муж Ольги Сергеевны Н. И. Павлищев, который ездил в Михайловское и вскрыл там чудовищные мошенничества немца-управляющего, настаивал на продаже имения и разделе вырученной суммы между всеми наследниками. Но Пушкин не пошёл на это. Он не мог примириться с потерей столь близкого его сердцу Михайловского и фактически оставил его за собою, выплачивая сестре и брату выкупную сумму. Однако владельцем Михайловского долго быть ему не пришлось. 29 января 1837 года он умер.

После смерти поэта имение перешло к его детям и в течение почти тридцати лет находилось в ведении опеки. Лишённое должного надзора, оно хирело и разрушалось. Никак не оберегались строения и места, связанные с памятью Пушкина, даже дом, где жил и творил поэт. Позже,

с 1866 по 1899 г., в Михайловском жил сын Пушкина Григорий Александрович. В юбилейный 1899 год он продал имение дворянскому банку. В ведении псковского дворянства Михайловское находилось до 1917 года. В нём была организована колония для престарелых писателей и учителей. Но пользовалось этой благотворительностью всего несколько человек. Велик был интерес к «пушкинскому уголку» среди передового русского общества. Сюда приезжали и работали здесь многие известные писатели, художники, учёные. Летом 1914 года Михайловское посетила группа артистов Московского Художественного театра. Однако полное отсутствие государственной заботы о пушкинских памятниках и недоступность широким народным массам обрекали их на жалкое существование, чрезвычайно ограничивали их значение.

Октябрьская социалистическая революция, сделавшая памятники великой русской культуры достоянием народа, обеспечившая им заботу и внимание государства, открыла новую страницу в истории пушкинских мест.

В суровые годы гражданской войны части Красной Армии оберегали Михайловское, ремонтировали «Домик няни» и Могильный холм. Бойцы и командиры гордились выпавшей на их долю честью. Верховное советское командование принимало специальные меры для охраны «священных пушкинских мест». А 17 марта 1922 года, 25 лет тому назад, когда молодая Советская республика предпринимала первые шаги в деле возрождения и широкого развития народной культуры, Совет Народных Комиссаров специальным декретом объявил могилу Пушкина в Святогорском монастыре, Михайловское и Тригорское Государственным заповедником. Район, где находится заповедник, получил наименование Пушкиногорского. За два десятилетия существования заповедника многие миллионы рублей затратило государство на его охрану, изучение и реставрацию. Пушкинский уголок превратился в богатый музей, крупное научное и культурное учреждение нашей страны. В неизменной заботе о нём советского правительства проявлялась забота народа, умеющего любить и чтить память своих великих предков, творцов культуры. С целью обеспечения наилучших условий для дальнейшего развития заповедника, в 1933 году он был передан в ведение Академии наук СССР. А вслед за тем территория его была значительно расширена за счёт присоединения Петровского, Савкиной Горки, Городища Во-

ронич и всей территории Святогорского монастыря. Сотни тысяч советских людей — рабочих и колхозников, учителей и врачей, солдат и офицеров, студентов и школьников, жителей Москвы и Ленинграда, Пскова и Опочки, холодной Сибири и солнечного Кавказа — совершили сюда паломничества и неизменно уносили с собою богатства новых знаний, мыслей, чувств, горячую любовь к своему поэту.

Виднейшие советские писатели (И. Новиков, Ю. Тынянов, К. Паустовский и мн. др.) посещали пушкинские места и писали о них. Выдающиеся советские художники (Хижинский, Кончаловский, Бялыницкий-Бируля и мн. др.) работали здесь и создали замечательные произведения живописи и графики.

Столетие со дня приезда Пушкина в михайловскую ссылку — в 1924 г. — и столетний юбилей со дня его смерти — в 1937 г. — превратились в подлинно народное чествование памяти поэта в Михайловском. 10 февраля 1937 г. в Михайловском был открыт новый Дом-музей, построенный на фундаменте старого пушкинского дома, и заложен памятник поэту. День рождения Пушкина — 6 июня — стал традиционным ежегодным праздником трудящихся района и области, собирающим в Михайловское десятки тысяч людей.

Район, носящий имя Пушкина, за годы сталинских пятилеток превратился из района крестьянской нищеты, бесправия и невежества в район передового социалистического сельского хозяйства, колхозного строя и культуры. Безвозвратно ушло в прошлое «рабство тощее» и «барство дикое». Народ стал хозяином своей земли и своей жизни. «Свободы просвященной... прекрасная заря», о которой так страстно мечтал поэт, взошла над его Отечеством. Новая, свободная и счастливая жизнь пришла в родной его край.

Но настал 1941 год. Немецко-фашистские захватчики ворвались в Пушкиногорский район. «Эти люди, лишённые совести и чести, люди с моралью животных»* в дикой злобе против русского народа, русской культуры, стремились стереть Пушкинский заповедник с лица земли. Они хотели нанести нашему народу моральный удар, лишить духовных ценностей, особенно дорогих его сердцу. Три года (1941—1944) гитлеровские бандиты хозяйствничали в заповеднике, уничтожая, разрушая, грабя. Они разграбили и сожгли Дом-

* И. В. Сталин. Доклад 6 ноября 1941 г.

музей, «Домик няни», разрушили древний Святогорский монастырь, вырубили сотни мемориальных деревьев в парках. Всю территорию заповедника гитлеровцы превратили в военный объект — изрыли траншеями, оплели колючей проволокой, густо заминировали. 9 тысяч мин и снарядов было снято в районе заповедника только при последнем разминировании в 1946 г. Особенно тщательно заминировали фашистские мерзавцы могилу поэта. Они намеревались взорвать священную для русского народа могилу, залить её кровью советских людей, воинов Красной Армии, которые (они знали это) непременно придут сюда.

Но стремительное наступление наших войск положило конец злодейским преступлениям фашистов. Как ожесточённо ни сопротивлялись немцы, они не могли устоять перед нацистском наших воинов, помнивших, что перед ними лежат места, священные для каждого русского человека, и неудержимо рвавшихся вперёд.

Пушкиногорцы — земляки поэта — помогали им в бесстрашной борьбе с фашистскими захватчиками. Тысячи партизан мстили ненавистному врагу за кровь и слёзы народа за сожжённые деревни, за разрушенные и осквернённые пушкинские места. В Михайловском лесу народные мстители взорвали штабную машину с сидевшими в ней эсэсовцами, на берегу Сороти сожгли тысячи кубометров приготовленной к сплаву деловой древесины, в героическом бою у деревни Носово разгромили большой немецкий гарнизон, сбросив фашистов в Сороть.

12 июля 1944 года Пушкинский заповедник был освобождён. «Правда» писала тогда в передовой статье: «...Перед всем русским народом, перед всеми народами Советского Союза раскрылась страшная картина кощунственного надругательства, учинённого гитлеровскими захватчиками над святыней России, над могилой величайшего её поэта, над местами, где жил и творил Пушкин. Гневом и скорбью покинется сердце русского человека. Он требует возмездия». Как глубокую личную обиду, с болью и гневом пережил каждый советский гражданин весть о надругательстве над дорогими ему пушкинскими местами.

Неисчислимый ущерб нанесли фашистские варвары драгоценным пушкинским памятникам. Их чудовищные злодеяния записаны в акте Чрезвычайной Государственной Комиссии, о них говорил на весь мир советский обвинитель в Нюрнберге.

Но они жестоко просчитались, когда мечтали об «уничтожении великой русской нации», её культуры, памятников её славного исторического прошлого. Советский человек в смертельном бою отстоял родную землю, как былинный богатырь отрубил голову поганому чудовищу, подбиравшемуся к его святыням. И ещё дороже, ещё ближе стала ему эта земля, её великая культура, её священные памятники.

День освобождения Пушкинского заповедника от немецко-фашистских захватчиков стал днём его возрождения. В Михайловских и Тригорских рощах вновь зазвучали голоса советских людей, вернувшихся к свободному созидательному труду. Трудящиеся района, руководимые партийными и советскими организациями, добровольно пришли залечивать раны пушкинского уголка. Они разбирали завалы, зарывали траншеи, снимали колючую проволоку, убирали поломанные деревья. Им энергично помогали части Красной Армии. Сам народ восстанавливал дорогие его сердцу места.

21 апреля 1945 года президиум Академии наук СССР вынес решение о срочном восстановлении Пушкинского заповедника «как одного из крупнейших культурно-исторических и научных памятников Союза ССР».

Для этого в заповеднике создана особая строительная контора, на которую возложена задача реставрации архитектурных и садово-парковых ансамблей, строительство музеиных и подсобных помещений. Генеральная смета строительно-восстановительных работ определяет капитальные вложения в 10 миллионов рублей. Предусмотрено восстановление всех пушкинских памятников максимально близко к их историческому виду, а также создание условий для широкой музейной и научно-пропагандистской работы.

Ведутся работы по укреплению Могильного холма и восстановлению Святогорского монастыря.

Заканчивается восстановление «Домика няни».

Приняли свой естественный вид Михайловские рощи и парк — уничтожены следы немецкого хозяйствования; расчищены дороги и аллеи; особый уход установлен за поранеными деревьями еловой и липовой аллей.

В 1947—1948 годах в Михайловском будет построен Дом-музей Пушкина, на фундаменте старого дома и максимально близко к его внешнему и внутреннему виду; будут построены подсобные научно-музейные помещения — библиотека, лекционный зал, музейное хранилище, и др.; будет завершена расчистка рощ и парка.

В Тригорском и Петровском за эти годы будут реставрированы старые парки с их мемориальными пушкинскими деревьями. В Савкино — выстроен посёлок сотрудников заповедника.

В Святогорском монастыре, помимо восстановления собора, будут восстановлены сохранившиеся старые монастырские строения, а все позднейшие наслоения убраны.

Могильный холм будет укреплён, на склонах его подсажены молодые деревья, а у подножья разбит парк — парк культуры и отдыха трудящихся Пушкиногорского района.

«Правда» писала в передовой статье 30 августа 1944 года: «Мы восстанавливаем города и сёла, разрушенные немцами. Мы восстановим и памятники культуры. Они стали нам теперь ещё дороже. Мы удвоим внимание к местам, где реют тени великих людей, творцов русской культуры».

Советский народ с великим подъёмом успешно решает задачи восстановления народного хозяйства, поставленные послевоенной сталинской пятилеткой. Самоотверженно восстанавливая города и сёла, заводы и колхозы, он восстанавливает и памятники своей великой культуры.

Вместе со всей страной, как один из первоочередных объектов культурного строительства послевоенной сталинской пятилетки, восстанавливается и Пушкинский заповедник.

В 1949 году исполнится 150 лет со дня рождения Пушкина. Эту дату советская страна отметит как всенародный праздник. К этой дате должно быть закончено восстановление заповедника.

Пушкинский заповедник должен стать достойным памятником великому поэту.

К этому направлены сейчас усилия и рабочих-строителей, понимающих, что они строят, и стремящихся с честью выполнить порученное дело, и научных сотрудников, видящих свою почётную задачу в бережном хранении доверенных им культурных ценностей, внимательном изучении их, активном содействии их восстановлению соответственно научно-историческим данным, в неустанной научной пропаганде жизни и творчества Пушкина, русской литературы и культуры среди широких масс трудящихся.

С 1945 года возродилась прерванная войной благородная традиция — ежегодно отмечать день рождения Пушкина массовым народным гулянием в Михайловском. Многие тысячи людей собираются в первое июньское воскресенье на скат

Михайловского холма. Крупнейшие учёные, писатели, художники, артисты приезжают на эти гуляния из Москвы и Ленинграда. Машины привозят экскурсии рабочих, интеллигенции из Пскова, Острова, Новоржева, Опочки. Пешком, за десятки километров, приходит колхозная молодёжь, радостная и нарядная, неся венки из первых весенних цветов на могилу поэта.

Цветут колхозные поля. Бродят по лугам колхозные стада. Белеют новые срубы деревень, поднявшихся на месте недавних пепелищ. Возрождается, крепнет и богатеет вернувшийся к свободному мирному труду край. Пушкиногорский район вновь становится одним из передовых в области.

Один из передовых в районе и области колхозов — колхоз имени Пушкина, полная средняя школа — школа имени Пушкина, замечательное детское учреждение, Дом для сирот, потерявших родителей во время Отечественной войны, — также носит имя Пушкина. С этим именем связано всё передовое и лучшее в Пушкиногорском районе.

Пушкинский заповедник не стоит в стороне от могучего, трудового и политического подъёма народа. Его жизнь неразрывно связана с жизнью края. Трудящиеся области активно участвуют в восстановлении заповедника — бесценного памятника культуры. Заповедник деятельно помогает области строить культуру и вооружать ею трудящихся.

II. ПЕТРОВСКОЕ

Петровское — замечательный памятник ранней истории этих мест, с которым особенно тесно связывается память о первых владельцах их, предках поэта, — знаменитых Ганнибалах. В Петровском неоднократно бывал Пушкин.

С 1746 года оно, как говорилось выше, принадлежало А. П. Ганнибалу. Он, повидимому, и дал ему название по имени своего благодетеля — царя Петра I. После смерти А. П. Ганнибала в 1781 г., как нам известно, имение унаследовал его сын Пётр Абрамович. При А. П. и П. А. Ганнибалах в Петровском был построен дом и разбит парк, по образцам придворной усадебно-парковой архитектуры первой половины XVIII века.

Парк Петровского — наиболее старый и типичный образец французского парка XVIII века из всех парков близлежащих имений. Он весь искусственный, насажденный. Основные породы: липа, дуб, берёза. Планировка его отличается геометрической правильностью и строгостью линий.

Парк сильно пострадал от рук немецко-фашистских захватчиков. Многие вековые деревья вырублены и поломаны; на каждом шагу видны следы земляных укреплений. Но и сейчас он сохранил свою стройность, величавость и красоту.

Главная аллея из карликовых лип, ведущая от озера Кучане (Петровское) к усадьбе, пересекает весь парк и делит его на равные половины. Это парадная аллея. По ней не ездили (для въезда в усадьбу служила боковая берёзовая аллея). Она очень широка, но даже в самые яркие летние дни здесь тень. Карликовые липы — тонкие, невысокие, но чрезвычайно ветвистые. Сходясь длинными ветвями, они образуют сплошной свод, почти непроницаемый для дождя и солнца. За столетие они мало изменились.

Параллельно центральной аллее и пересекая её, идут несколько других аллей, главным образом липовых. Они разбивают весь парк на ряд правильных квадратов, открытых солнечных площадок. Рядом с длинными тёмными коридорами аллей широкие парадные солнечные площадки-залы кажутся ещё светлее и параднее. Конtrаст света и тени усиливает впечатление, производимое парком.

Особенно замечательна липовая аллея, идущая по краю парка, у самой усадьбы. Здесь уже липы не карликовые, а, напротив, двухсотлетние великаны самой причудливой формы. Аллея эта также широка и тениста; мощные размеры, причудливые формы деревьев производят ещё более сильное впечатление. Она заканчивается небольшим солнечным кругом, обсаженным липами. В центре его — огромных размеров ветвистое дерево в 2—3 обхвата. Здесь было любимое место отдыха владельцев Петровского.

Эта аллея, как и центральная аллея парка, выходит на большую круглую площадку — традиционный круг перед усадьбой. Предание говорит, что когда-то в центре его был пруд, обсаженный розами. Затем пруд засыпали и на его месте разбили большую клумбу, следы которой сохранились до сих пор.

Вдоль круга расположена была сама усадьба.

От усадьбы Петровского не сохранилось ничего. Постройки, в том числе и старый ганнибаловский дом, простояли лет полтораста и сгорели в 1918 году. Фундамент дома основательно зарос травой и кустарником.

Усадьба Петровского была типичной русской помещичьей усадьбой XVIII века. Французская строгость форм причудливо сочеталась в ней с элементами русской вотчины — с девичьей, скотным двором, баней и т. п., находившимися тут же поблизости.

«Здесь, в 20-х годах прошлого столетия, повелевая своими крепостными рабами, хозяином и доживал свои дни помещик Пётр Абрамович Ганнибал. Шёл ему восьмой десяток, и был совершенно чёрн этот потомок абиссинских владык.» (П. Е. Щеголев). Пётр Абрамович наследовал от отца 300—350 душ и был состоятельным помещиком. Кроме того, он имел чин генерал-майора или генерал-аншефа. Всё это давало ему вес в уезде и даже в губернии. В 1774—1796 гг. П. А. Ганнибал был псковским губернским предводителем дворянства. «Весьма возможно, что Пётр Абрамович достиг бы ещё более видного общественного положения, если бы не попался в неприятном деле, в виде растраты каких-то артиллерийских снарядов. Вследствие этого, он долгое время состоял под судом и избавился от него только благодаря связям и влиянию своего старшего брата Ивана Абрамовича. Таким образом, о новой службе помышлять было нечего, и Пётр Абрамович, после выхода в отставку, поселился в своём наследованном псковском имении, доставлявшем ему возможность безбедного и праздногого существования. Здесь он зажил жизнью большинства тогдашних провинциальных дворян...» (Н. А. Белозерская).

Быт Петровского — типичный крепостнический быт, полный жестокости и самодурства. «...Когда бывали сердиты Ганнибалы, все без исключения, — вспоминал камердинер Петра Абрамовича, а затем михайловский приказчик М. И. Калашников, — то людей у них выносили на простынях.» Смысл этого крепостного термина достаточно понятен и без комментариев. Любимым занятием старого генерала было приготовление водок и настоек, которым он занимался «без устали, со страстью».

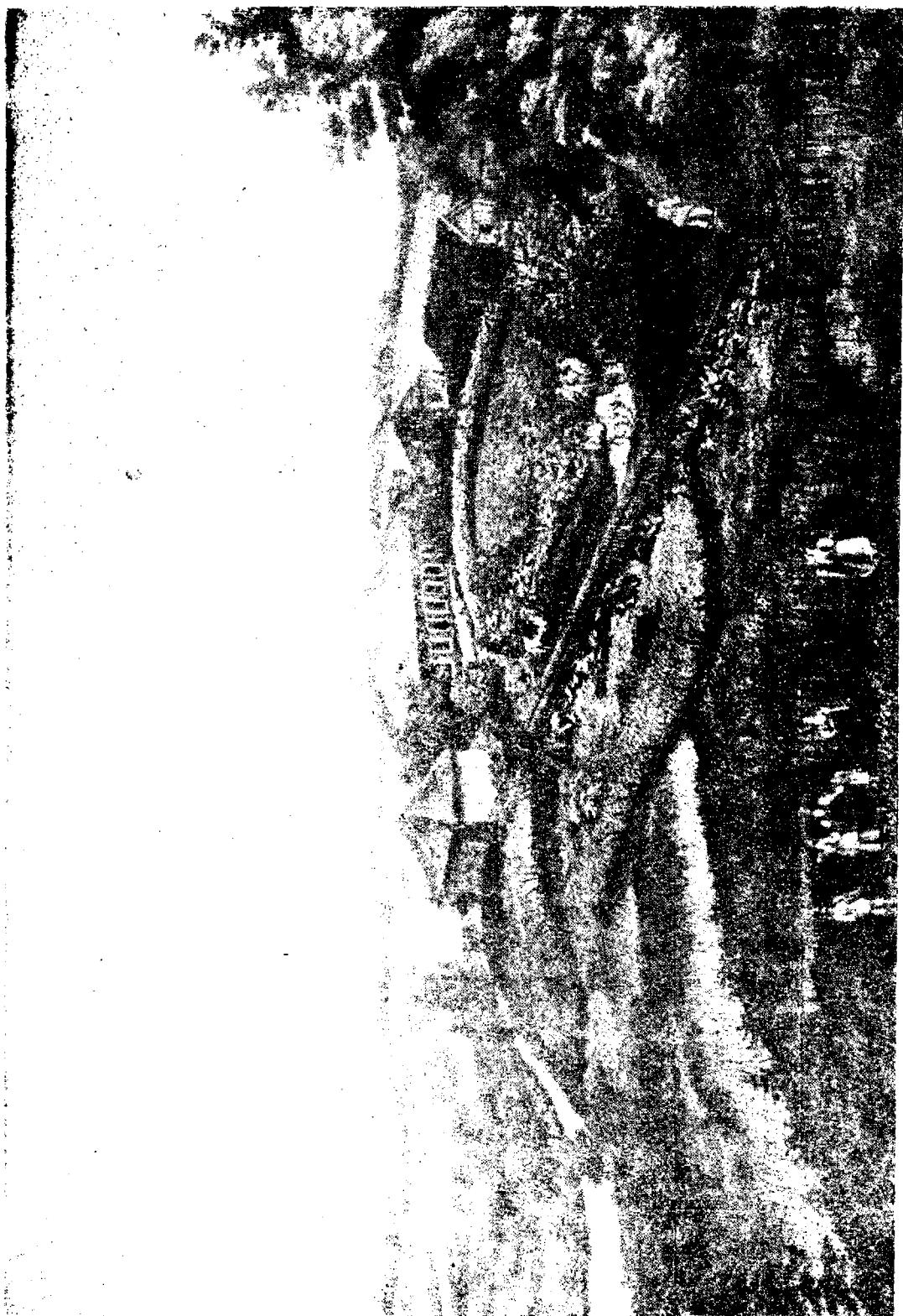
История предков — А. П. Ганнибала и его сыновей, — как известно, всегда живо интересовала Пушкина — поэта и историка. Об этом свидетельствует целый ряд его исторических и поэтических произведений: «Родословная Пушкиных и Ганнибалов», «Моя родословная», «Арап Петра Великого» и др. В «Родословной Пушкиных и Ганнибалов» мы находим довольно подробное изложение биографии

Петровские Алтей карниковых лип.

фото М.Н. Чирвейского

Михайловское.
Типография по рисунку землемера Иванова. 1837 г.

А. П. Ганнибала, его военной и политической деятельности, а также его семейной жизни. Пушкин тщательно собирал семейные предания и различные материалы для жизнеописания прадеда.

Естественно, Петровское и его владелец должны были привлекать в этом отношении особое внимание поэта. Если в Михайловском с 1806 года никого из Ганнибалов не было, то в Петровском до 1825 года жил сам Пётр Абрамович, переживший почти на 20 лет своих братьев, а позже сын его — Вениамин Петрович (умер в 1839 г.).

Ещё летом 1817 года, в первый приезд в Михайловское, Пушкин посещает своего двоюродного деда в Петровском. Свидетельством этого посещения служит следующая отрывочная запись в дневнике поэта: «...попросил водки. Подали водку. Налив рюмку себе, велел он и мне поднести, я не поморщился и тем казалось чрезвычайно одолжил старого арапа. Через четверть часа он опять попросил водки и повторил это раз 5 или 6 до обеда...» Особое удовольствие «старого арапа», очевидно, объясняется тем, что водка, которой он потчевал внука, была его собственного изделия. Угощение водкой не случайно запомнилось Пушкину. Он уже тогда умел подмечать и запоминать типичное.

Посещает Пушкин Петровское и позже, особенно в годы михайловской ссылки. Пётр Абрамович был уже очень стар. Но Пушкин видел в нём живой источник ценнейших исторических материалов. 11 августа 1825 г. он писал: «Я рассчитываю ещё повидать моего старого негра, дедушку, который, как я предполагаю, на этих днях умрёт, а между тем мне необходимо раздобыть от него записки, касающиеся моего прадеда». И действительно, от Петра Абрамовича Пушкин получил целый ряд ценных документов, среди которых возможно была и рукописная биография А. П. Ганнибала на немецком языке, и начало его собственных автобиографических записок, сохранившиеся в бумагах поэта.

Этими материалами пользуется Пушкин, когда в то же время вводит в комментарии к I главе «Евгения Онегина» довольно подробный рассказ о своём прадеде. В тексте начальных глав романа мы также встречаем упоминания о Ганнибалах, о «своей Африке». Эти материалы и близость «старого негра дедушки» быть может натолкнули поэта на сюжет романа «Арап Петра Великого» (который писал Пушкин в 1827 году, также в Михайловском) и стихотворного произведения, от которого дошли до нас началь-

ные строки, датируемые 1825 годом: «Как жениться задумал царский арап...».

Петровское же в первую очередь, надо полагать, рисовалось Пушкину, когда он писал в стихотворном послании к Языкову:

В деревне, где Петра питомец.
Царей, цариц любимый раб
И их забытый однодомец,
Скрывался прадед мой, арап.
Где, позабыв Елизаветы
И двор, и шумные обеты,
Под сенью липовых аллей
Он думал в охлажденны леты
О дальней Африке своей, —
Я жду тебя...

В Петровском, с его типичным крепостническим бытом и укладом жизни, с характером его владельца, Пушкин нашёл богатый материал для изображения картин крепостнического гнёта в стихотворении «Деревня», для характеристики образа старика—дяди своего героя и его усадебной жизни в романе «Евгений Онегин». Псевдомому, отчасти использовал Пушкин впечатления и наблюдения Петровского и позже, в романе «Дубровский». Поразительно много общих типичных черт в быту с. Петровского и с. Покровского из этого романа, в образах владельцев их — генерал-аншефа Петра Абрамовича Ганнибала и генерал-аншефа Кирилла Петровича Троекурова. Совпадает и столь характерный пейзаж Петровского с пейзажем, который рисует Пушкин: «Вот Покровское! Дубровский поднял голову; он ехал берегом широкого озера, из которого вытекала речка и вдали извивалась между холмами...»

От фундамента старого ганнибаловского дома дорога идёт мимо высохшего ныне большого пруда через село Петровское к берёзовой аллее на берегу Кучане. Это, очевидно, остаток прежней большой аллеи, тянувшейся «берегом широкого озера» к Михайловскому. Дорога из Петровского в Михайловское, идущая вдоль озера по опушке леса, — одна из самых живописных дорог заповедника. По этой дороге и попадал в Петровское Пушкин.

III. МИХАЙЛОВСКОЕ

Сельцо Михайловское расположено на высоком холме.

Со склона холма раскрывается великолепный вид на широкую зелёную долину. Два спокойных озера стелются

среди поросших стройным сосняком берегов. Быстрая голубая река Сороть, протекая краем широкого озера Кучане, живописно извивается между холмами. Пока хватает глаз тянутся заливные луга и нивы. Далеко за озером — очертания парка Петровского. На гребнях холмов и в ложбинах между ними приютились деревни. «Очаровательный кусок родины... Ширь, простор — вот первое, что произносишь перед этой картиной, но в этой шире есть какая-то нежность, есть какая-то почти грустная простота. О, нет — не убогая простота, а, наоборот, уверенная в себе, простая в своей непосредственной красоте... Да, этот кусок земли достоин быть колыбелью поэта и, пожалуй, именно русского поэта...» (А. В. Луначарский).

Пушкин горячо полюбил этот уголок родной земли уже в свой первый приезд сюда летом 1817 года. Только что сдав последний лицейский экзамен, молодой поэт приехал в Михайловское и пробыл здесь полтора месяца, с середины июля по конец августа. «Вышед из лицея, я почти тотчас уехал в псковскую деревню моей матери. Помню, как сбрадовался сельской жизни, русской бане, клубнике и проч...» — писал Пушкин в своём дневнике. Он много бродит по лесу и полям, навещает двоюродного деда в Петровском и особенно охотно и часто бывает в соседнем Тригорском. Прощальные стихи его наполнены глубокой симпатией к родным местам.

Простите, верные дубравы!
Прости, беспечный мир полей,
И легкокрылые забавы
Столь быстро улетевших дней...

Двумя годами позже, летом 1819 года, Пушкин снова приезжает в Михайловское.

От суеты столицы праздной,
От хладных прелестей Невы,
От вредной сплетницы молвы,
От скуки, столь разнообразной.
Меня зовут холмы, луга,
Тенисты клёны огорода,
Пустынной речки берега
И деревенская свобода...

(«В. В. Энгельгардту»)

В это время Пушкин — автор оды «Вольность», «Послания к Чаадаеву» и первых песен поэмы «Руслан и Людмила», друг Н. И. Тургенева, П. Я. Чаадаева, активный участник литературной и политической борьбы. Естественно, он находит в Михайловском богатейший материал для целого

ряда произведений и, в первую очередь, для стихотворения «Деревня».

Радостно встречая любимые места, он настойчиво подчёркивает их творческое для себя значение.

Приветствуя тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья...

Широкая картина вольной, разнообразной и обильной русской природы, составляющая первую половину стихотворения, несомненно подсказана поэту теми картинами, которые раскрывались перед ним с этого ската Михайловского холма, которые и сейчас раскрываются перед нами.

...Люблю сей тёмный сад
С его прохладой и цветами,
Сей луг, уставленный душистыми скирдами,
Где светлые ручьи в кустарниках шумят;
Везде передо мной подвижные картины:
Здесь вижу двух озёр лазурные равнины.
Где парус рыбаря белеет иногда.
За ними ряд холмов и нивы полосаты,
Вдали рассыпанные хаты,
На влажных берегах бродящие стада,
Овины дымные и мельницы крылаты...

Поражает точность и выразительность пушкинского описания, глубина проникновения поэта в природу и любовь к ней.

Любовь к родной природе неотделима у Пушкина от любви к родной стране, народу, свободе. Богатство и красота природы не заслоняют от зоркого глаза поэта царящие в деревне нищету, бесправие, крепостнический гнёт. Напротив, лишь оттеняют их. Противопоставляя в стихотворении «Деревня» утратившей свою природную гармоничность и красоту жизни народа полную гармонии и красоты жизнь природы, Пушкин протестует против несправедливости общественного устройства, порабощающего и угнетающего человека, и зовёт к изменению его на началах свободы, гармонии, справедливости.

Но мысль ужасная здесь душу омрачает:
Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде невежества губительный позор...

В духе самых передовых идей эпохи решает Пушкин уже в это время важнейший социальный вопрос его времени — вопрос о крепостном праве. Живые наблюдения над крепостническим бытом Петровского и других окрестных

имений в значительной степени определили образность и бунтарскую силу пушкинских стихов.

Крепостническая действительность окружала Пушкина и в Михайловском. Имение было скромное, небогатое. Вместе с деревнями за ним числились по ревизской сказке 1816 г.—1863 десятины земли, 164 человека крестьян и 23 человека «дворни при барском доме». Родители Пушкина, как мы говорили, редко бывали в деревне, полагаясь во всём на приказчика, который беззастенчиво обманывал беспечных господ и грабил крестьян. Имение не давало почти никакого дохода, было заложено и быстро разорялось.

Усадьба Михайловского была небольшая. Она сохранила и сейчас свои прежние размеры и планировку. На краю холма, у самого обрыва над Соротью, стоял господский дом. По обе стороны дома расположены были службы — по одну сторону флигель, где, по преданию, жила Арина Родионовна —«Домик няни», по другую—людские избы, сараи, амбары и проч. Перед домом—небольшой сквер, круглый зелёный газон, обсаженный невысокими кустами. Огибая его, шли дорожки к крыльцу дома. Сквер был окружён деревянным заборчиком с калитками. За ним, вправо от дома — спуск к Сороти, начинающейся сразу за «Домиком няни», влево — фруктовый сад, прямо напротив — густой парк, с стройными аллеями, прудами, цветниками, беседками. Таким изобразил Михайловское на своём рисунке 1837 г. псковский землемер Иванов. За истекшее столетие в усадьбе произошли значительные изменения. Дома и службы нет. В центре зелёного газона возвышается огромный тенистый вяз, посаженный лет 75—80 назад Григорием Александровичем, сыном поэта. Кусты, окаймлявшие газон, заменены им тогда же двадцатью шестью липами. У въезда стоит флигель, построенный в 1911 г. Но, повторяем, размеры, планировка, общий вид усадьбы остались прежними. Такою видел её поэт в 1817 и 1819 гг., такою встретила она его в 1824 году.

9 августа 1824 г. Пушкин снова приехал в родное Михайловское, на этот раз в качестве ссыльного. Ещё в мае 1820 г. он был выслан из Петербурга по распоряжению царя за «вольнолюбивые стихи» и политические эпиграммы, широко распространявшиеся в рукописях и служившие целям революционной пропаганды. Больше четырёх лет провёл он на юге России — в Кишинёве и Одессе. Годы ссылки укрепили в поэте вольнолюбивые настроения. Настроения и

взгляды Пушкина этих лет нашли своё отражение в многочисленных художественных произведениях, сразу выдвинувших молодого поэта на первое место в русской литературе.

Положение ссыльного тяготило поэта, особенно когда он попал в Одессу, под начальство графа Воронцова, «вандала, придворного хама и мелкого эгоиста», по краткой, но достаточно выразительной характеристике Пушкина. Притеснения и высокомерное отношение Воронцова вызывали негодование поэта. Он отвечал эпиграммами и держал себя независимо. Желая избавиться от беспокойного чиновника, Воронцов шлёт в Петербург один за другим доносы, в которых доказывает необходимость убрать Пушкина из Одессы и перевести в какую-нибудь глушь, где бы он не мог быть опасен. Кроме того, московская полиция перехватила письмо, в котором Пушкин упоминал, что берёт «уроки чистого афеизма» (атеизма) и разделяет сомнения в бессмертии души. Этого было достаточно для «высочайшего повеления» — «исключить Пушкина из списка чиновников министерства иностранных дел» и, чтобы «не подать ему средств свободно распространять свои губительные начала... не ограничиваясь отставкой, выслать Пушкина в имение его родных, в Псковскую губернию, подчинить его там надзору местных властей...». Дав подпись следовать точно установленному маршруту, «без замедления... не останавливаясь нигде на пути по своему произволу», и получив «на прогоны к месту назначения по числу вёрст 1621 на три лошади... 389 р. 4 коп.», Пушкин 31 июля 1824 года выехал из Одессы и 9 августа был уже в Михайловском.

Вспоминая много лет спустя этот свой приезд и сопоставляя его с предшествующими, Пушкин писал:

В разны годы

Под вашу сень, Михайловские рощи,
Являлся я. Когда вы в первый раз
Увидели меня, тогда я был
Весёлым юношем. Беспечно, жадно
Я приступал лишь только к жизни; годы
Промчалися — и вы во мне прияли
Усталого пришельца. Я ещё
Был молод; но уже судьба и страсти
Меня борьбой неравной истомили;
Я был ожесточён... В уныньи часто
Я помышлял о юности моей,
Утраченной в бесплодных испытаниях.
О строгости заёлуженных упрёков,
О дружбе, заплатившей мне обидой
За жар души доверчивой и нежной,
И горькие кипели в сердце чувства.

Эти чувства поэта легко понять, если помнить, что из двадцати пяти лет жизни четыре года он уже провёл в ссылке и в перспективе была новая ссылка, ещё более тяжёлая, на неопределённый срок, в полном одиночестве, вдали от друзей, политической и литературной жизни. Как ни любил Пушкин Михайловское, эти мрачные перспективы, естественно, вызывали в нём горечь и озлобление. В Михайловском он застал всю семью — отца, мать, сестру и брата. Однако близость родных нисколько не смягчила горьких чувств поэта. Напротив, «присутствие моё в среде моего семейства, — писал Пушкин, — удвоило мои муки». Отношения Пушкина с отцом всегда были натянутыми. Сейчас это ещё усугублялось тем обстоятельством, что поэт был ссылочным, преследуемым правительством. Сергей Львович боялся, как бы близость сына не навлекла подозрений на него самого, и как бы обвинённый в атеизме поэт не «испортил брата и сестру». Когда же Сергей Львович согласился, по предложению опочецкого уездного предводителя дворянства Пещурова, взять на себя надзор за сыном, его поведением и перепиской, холодные отношения их перешли в прямую вражду. С отчаянием поэт обращается к Жуковскому, прося о помощи: «Милый, прибегаю к тебе. Посуди о мсём положении. Приехав сюда, был я всеми встречен как нельзя лучше, но скоро всё переменилось: отец, испуганный моей ссылкой, беспрестанно твердил, что и его ожидает та же участь; Пещуров, назначенный за мсю смотреть, имел бесстыдство предложить отцу моему должностю распечатывать мою переписку, короче, быть моим шпионом; вспыльчивость и раздражительная чувствительность отца не позволяли мне с ним сбъясниться; я решился молчать. Отец начал упрекать брата в том, что я преподаю ему безбожие. Я всё молчал. Получают бумагу, до меня касающуюся... Иду к отцу, нахожу его с матерью, и высказываю всё, что имел на сердце целых три месяца. Кончу тем, что говорю ему в последний раз. Отец мой, воспользовавшись отсутствием свидетелей, выбегает и всему дому объявляет, что я его был, хотел быть, замахнулся, мог прибить... Перед тобою не оправдываюсь. Но чего же он хочет для меня с уголовным своим обвинением? рудников Сибирских и лишения чести? спаси меня хоть крепостью, хоть Соловецким монастырём...». Тогда же Пушкин набросал черновик письма псковскому губернатору Адеркасу с ходатайством о переводе из

Михайловского «в одну из крепостей». Однако письмо это отправлено не было.

В эти осенние месяцы 1824 года Пушкин редко бывал в Михайловском. Большую часть времени проводил он в соседнем Тригорском или «верхом и в полях». Работать почти не мог.

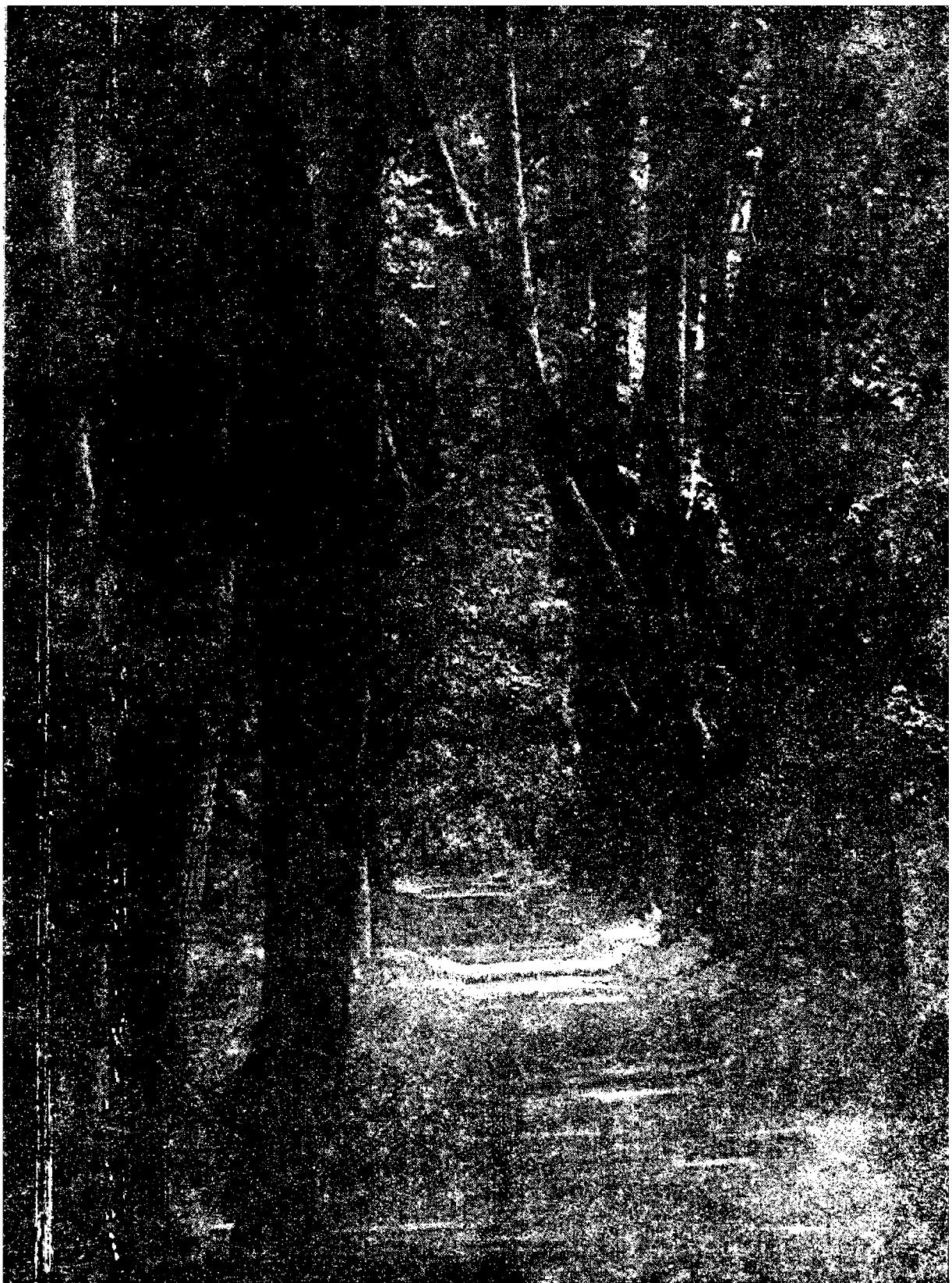
В середине ноября семья Пушкиных уехала в Петербург. Поэт остался один и вздохнул свободнее. «Буря кажется успокоилась, осмеливаюсь выглянуть из моего гнезда и подать вам голос, милый Д(митрий) Мак(симович), — пишет он своему одесскому знакомому Д. М. Шварцу. — Вот уже 4 месяца, как нахожусь я в глухой деревне — скучно, да нечего делать... Уединение моё совершенно — праздность торжественна... Соседей около меня мало, я знаком только с одним семейством, и то вижу его довольно редко (совершенный Онегин) — целый день верхом, вечером слушаю сказки моей няни, оригинала няни Татьяны... она единственная моя подруга — и с нею (одною) только мне не скучно...» Письмо это чрезвычайно ярко рисует настроения и образ жизни поэта. Теперь он прочно обосновался в своём михайловском доме.

Дом Пушкиных в Михайловском не сохранился. Сейчас перед нами только его фундамент. Перестройка дома началась уже в 1829 году. После смерти Пушкина он совершенно не оберегался и, по словам современника, «представлял вид печальной развалины». В 1860-х годах Григорий Александрович продал старый дом и на месте его построил новый — больших размеров и более комфортабельный. Этот новый дом сгорел в 1908 году. Вскоре он был восстановлен академиком Щуко по рисунку пушкинского дома. Эта постройка простояла почти 10 лет и сгорела в 1918 году. В юбилейные пушкинские дни 1937 года на старом фундаменте был построен Дом-музей. В нём хранились портреты, картины, документы, рисующие жизнь и творчество Пушкина в Михайловском, и немногочисленные сохранившиеся вещи, принадлежавшие поэту (мебель, биллиардные шары, посуда). Немецко-фашистские захватчики разграбили ценности музея, а дом сожгли перед своим бегством из заповедника весною 1944 г. Сейчас, по постановлению Президиума Академии наук, ведётся подготовка к восстановлению дома, максимально близко к его первоначальному виду.

Михайловское. Еловая аллея.

Фото М. Н. Муравейского

Михайловское. Липовая аллея.

Фото М. Н. Муравейского

Уже фундамент показывает, что дом был небольшой. В «Описи, учинённой... Опочецким земским исправником Васюковым... Мая 19 дня 1838 г.» значится «Дом деревянного строения на каменном фундаменте крыт и обшил тёсом длиною 8 А шириной 6 сажень к нему подъездов с крыльцами 2. Балкон 1...». Сам Пушкин говорит о нём: «скромная семья моей обитель». Внешность пушкинского дома мы можем ясно себе представить по рисунку землемера Иванова. Фасадом он был обращён к усадьбе, к реке выходил балкон. С площадки перед домом, к Сороти, как и сейчас, террасами спускалась деревянная лестница, усаженная кустами сирени и черёмухи. Построенный Ганнибалами, повидимому ещё в XVIII веке, дом был стар. Поэт Языков так описывает его:

Там, где на дол с горы отлогой
Разнообразно сходит бор,
В виду реки и двух озёр
И нив с извилистой дорогой,
Где, древним садом окружён,
Господский дом уединенный
Дряхлеет, памятник почтенный
Елизаветинских времён...

Пушкин занимал одну комнату возле крыльца, с окнами во двор. В комнате напротив в это время жила Арина Родионовна и работали под её наблюдением крепостные девушки. Обстановка комнаты Пушкина была крайне проста. Мебели стояло немного и та очень старая, ломаная, ещё ганниболовская. «Комната Александра,—вспоминал И. И. Пущин, — была возле крыльца, с окном на двор... В этой небольшой комнате помещалась кровать его с пологом, письменный стол, диван, шкаф с книгами и проч. Во всём поэтический беспорядок, везде разбросаны исписанные листы бумаги, всюду валялись обкусанные, обожжённые кусочки перьев... Вход к нему прямо из коридора, против его двери — дверь в комнату няни, где стояло множество пальцев...» Художник Н. Н. Ге на своей известной картине «Пушкин и Пущин в Михайловском», несомненно, несколько приукрасил обстановку комнаты, хотя общий характер её передан правильно.

В скромной комнатке старого ганниболовского дома и провёл поэт «изгнаником два года незаметных».

После отъезда родителей Пушкин хоть и вздохнул с облегчением, но положение «ссыльного невольника» попрежнему угнетало его. Он был под строжайшим надзором — по-

литическим и духовным. Политический надзор осуществлял опочецкий предводитель дворянства А. Н. Пешуров; духовный — настоятель соседнего Святогорского монастыря Иона. Пушкин не имел права без особого разрешения выезжать из Михайловского даже в ближайший уездный город. Жизнь поэта была уединённой и однообразной. «Знаешь ли мои занятия? До обеда пишу записки, обедаю поздно; после обеда езжу верхом, вечером слушаю сказки...» Так рисует сам Пушкин свою жизнь в письме к брату. Окружённый двойным надзором, один в «забытой глухи», проведший уже в ссылке пять лет и лишённый всякой надежды на скорое освобождение, Пушкин переживает «горькие муки». О них он рассказывает в своих письмах. «Бешенство скуки... снедает моё глупое существование... Я провожу верхом и в полях всё время, что я не в постели. Всё, что напоминает мне море, наводит на меня грусть, шум падающего ручья причиняет мне в буквальном смысле слова боль; думаю, что хорошее небо заставило бы меня плакать от ярости...» (В. Ф. Вяземской, сер. октября 1824 г.). «Михайловское душно для меня» (Жуковскому, июнь 1825 г.). «У нас очень дождик шумит, ветер шумит, лес шумит, шумно, а скучно!» (Плетнёву, июль 1825 г.). С большой силой выразил поэт эти свои чувства в стихотворном послании к Языкову:

...Но злобно мной играет счастье;
Давно без крова я ношусь,
Куда подует самовластье:
Уснув, не знаю где проснусь.
...Всегда гоним, теперь в изгнанье
Влачу закованные дни...

Пушкина тянуло к обществу, к борьбе, к кипучей политической и литературной жизни. С положением поднадзорного, обречённого «в изгнанье влачить закованные дни», он не мог примириться и не примирился. Чем дальше, тем больше росло ожесточение и сильнее «горькие кипели в сердце чувства». Озлобление и негодование сменяли скуку и отчаяние. «6 Пушкиных подписали избирательную грамоту! да двое руку приложили за неумением писать. А я, грамотный потомок их, что я? где я?..» — пишет Пушкин Дельвигу в июне 1825 г., и почти через год Плетнёву: «Не будет вам Бориса, прежде чем не вытащите меня в П. Б. Что это в самом деле?.. Мне не до Онегина. Чорт возьми Онегина! Я сам себя хочу издать или выдать в свет. Батюшки, помогите!».

Чтобы освободиться из ссылки, Пушкин пытается организовать побег из Михайловского за границу с помощью брата и А. Н. Вульфа. Но из попытки этой ничего не вышло. Ничего не вышло и из попытки добиться легальным путём у царя разрешения уехать за границу лечиться. Царь милостиво разрешил Пушкину лечиться во Пскове. На эту «милость» поэт отвечал Жуковскому письмом, полным злой иронии. «Неожиданная милость его величества тронула меня нескованно, тем более, что здешний губернатор предлагал уже мне иметь жительство во Пскове, но я строго придерживался повелению высшего начальства. Яправлялся о псковских операторах; мне указали там на некоторого Всеволожского, очень искусного по ветеринарной части и известного в учёном свете по своей книге об лечении лошадей. Несмотря на всё это, я решился остаться в Михайловском, тем не менее чувствуя отеческую снисходительность его величества...»

Тяжёлые переживания одиночества и изгнанья подчас рождали хандру, мешали творить. «У меня хандра и нет ни единой мысли в голове моей» — пишет Пушкин П. А. Вяземскому. А в письме В. Ф. Вяземской говорит об «Онегине»: «скука — холодная муз, и поэма не двигается». Однако в последнем письме Пушкин не может не признать, что «лучшего положения для окончания моего поэтического романа нельзя и желать...». «Уединение совершенное, праздность торжественная» не порывают связи поэта с общественно-политической и литературной жизнью столиц, не заглушают в нём ни на мгновение умственных интересов. В Михайловском поэт, наконец, нашёл досуг для давнишнего своего стремления — «в просвещении стать с веком наравне». Он изучает английский язык, очень много читает: Вальтер Скотта, Шиллера, Гёте, Шекспира, Ричардсона, русские и французские журналы, альманахи. «Книг, ради бога, книг!» — просит Пушкин брата и шлёт ему заказы с длинным перечнем названий. Подобные просьбы постоянно звучат в его письмах. Из прочитанных здесь Пушкиным книг составилась целая библиотека, которую потом вывозили на 12 подводах. Пушкин шутил, что в Михайловском он перечитал двенадцать телег книг. «В уединении величавом», в общении с мировой литературой, вблизи родной природы, родного народа стремительно развивался творческий гений поэта и достиг своего полного расцвета. И. И. Пущину Пушкин признавался, что «тут, хотя невольно, но всё-таки отдыхает от прежнего шума и волнения: с музой живёт в ладу и трудится охотно и

усердно». «Я чувствую, — писал поэт, — что мои духовные силы достигли полной зрелости, я могу творить». Ссылка не сломила поэта, а закалила его и принесла нам лучшие его произведения — средние главы «Евгения Онегина» (III—VI), «Борис Годунов», «Цыганы», «Граф Нулин» и несколько десятков лирических жемчужин, таких, как «19 октября», «Сожжённое письмо», «Вакхическая песня», «Я помню чудное мгновенье...» (А. П. Керн), «Зимний вечер» и мн. др. Около ста художественных произведений написал Пушкин в Михайловском. Именно в Михайловском за два года ссылки юный поэт-романтик вырос в зрелого художника-реалиста, который, по характеристике М. Горького, «будучи переполнен впечатлениями бытия, стремился отразить их в стихе и прозе с наибольшей правдивостью... чего и достигал с гениальным умением». В этом процессе формирования реалистического стиля поэзии Пушкина, сделавшего его основоположником новой русской литературы, как нам известно, немаловажную роль играли жизненные наблюдения и впечатления Михайловского, близость к родному народу, родной природе.

В значительной степени под влиянием жизненных наблюдений и впечатлений «псковской деревни» сложились написанные здесь Пушкиным центральные главы романа «Евгений Онегин», определился их реалистический быто-описательный характер, создались поражающие глубиной и тонкостью социального анализа реалистические бытовые картины помещичьей жизни, составляющие их основное содержание. «Энциклопедия русской жизни», по выражению Белинского, роман Пушкина корнями своими уходит глубоко в реальную жизнь, прежде всего в жизнь усадьбы, которую повседневно наблюдал Пушкин в Михайловском и Тригорском.

Наблюдения и впечатления Михайловского, Тригорского, Петровского послужили основой для создания образов стариков Лариных, дяди Онегина, крепостной няни Филиппевны и других обитателей дворянских усадеб со всеми типичными чертами их характеров и нравов (мы помним, что Пушкин называл Арину Родионовну «оригиналом няни Татьяны»).

Они же дали поэту «краски и материалы» для характеристики деревенской жизни Онегина, убедительного раскрытия многих сторон этого столь типичного для своей эпохи образа.

Деревенская жизнь Онегина во многом напоминает жизнь самого Пушкина в Михайловском. «В 4-й песне Оне-

гина я изобразил свою жизнь» — говорил поэт в письме к Вяземскому.

А что ж Онегин? Кстати, братья!
Терпенья вашего прошу:
Его вседневные занятия
Я вам подробно опишу.
Онегин жил анахоретом;*
В седьмом часу вставал он летом
И отправлялся налегке
К бегущей под горой реке;
Певцу Гюльнары подражая,**
Сей Геллеспонт переплывал,
Потом свой кофе выпивал,
Плохой журнал перебирая,
И одевался...***
Прогулки, чтение, сон глубокой.
Лесная тень, журчанье струй,
Порой белянки черноокой
Младой и свежий поцелуй,
Узде послушный конь ретивый,
Обед довольно прихотливый.
Бутылка светлого вина,
Уединенье, тишина:
Вот жизнь Онегина святая...

Разумеется, отождествлять Пушкина с Онегиным никак нельзя. Поэт и борец, неутомимый труженик на благо народа, Пушкин не «праздный отшельник», разочарованный, опустошённый. Недаром сам он решительно подчёркивал: «Всегда готов заметить разность между Онегиным и мной».

* Отшельником.

** Байрону. Гюльнара — героиня его поэмы «Корсар».

*** В рукописи находится конец строфы XXXVII и строфа XXXVIII:

И одевался — только вряд
Вы носите ль такой наряд.

Носил он русскую рубашку.
Платок шелковый кушаком,
Армяк татарский нараспашку
И шляпу с кровлею, как дом
Подвижный. Сим убором чудным,
Безнравственным и безрассудным,
Была весьма огорчена
Псковская дама Дурина,
А с ней Мизинчиков—Евгений,
Быть может толки презирал,
А вероятно, их не знал;
Но всё ж своих обыкновений
Не изменил в угоду им, —
За что был ближним нестерпим.

Но автобиографические черты в изображении деревенской жизни Онегина несомненны.

Широко отразились настроения и переживания ссыльного поэта в лирических отступлениях романа, которыми столь богаты именно центральные главы. Как не узнать, например, настроений и переживаний Пушкина первой зимы ссылки в написанной в это время XVIII строфе IV главы:

В глуши что делать в эту пору?
Гулять? деревня той порой
Невольно докучает взору
Однообразной наготой.
Скакать верхом в степи суровой?
Но конь, притупленной подковой
Неверный зацепляя лёд,
Того и жди, что упадёт.
Сиди под кровлею пустынной,
Читай: вот Прадт, вот Вальтер Скотт,
Не хочешь? Проверяй расход,
Сердись, иль пей, и вечер длинный
Кой-как пройдёт, и завтра то ж
И славно зиму проведёшь.

Картины русской природы, которые раскрываются перед нами, а сто двадцать лет назад раскрывались перед поэтом со ската Михайловского холма, с балкона его дома, нашли своё воплощение в многочисленных реалистических онегинских пейзажах, простых и прекрасных, как сама русская природа. Вот, например, начало II главы романа:

Господский дом, уединённый,
Горой от ветра ограждённый,
Стоял над речкою; вдали
Пред ним пестрели и цвели
Луга и нивы золотые,
Мелькали сёлы; здесь и там
Стада бродили по лугам,
И сени расширял густые
Огромный запущенный сад,
Приют задумчивых Дриад.*

«В глуши забытого селенья» нашёл Пушкин лучшие черты любимой своей героини, замечательной русской женщины Татьяны Лариной, как и сам поэт, привязанной всей душой «к жизни полевой», «к деревне», «к бедным поселянам».

О поэме «Граф Нулин» Пушкин писал, что сюжет её основан на истинном происшествии, «которое случилось недавно в моём соседстве».

* Дриады — лесные нимфы в древнегреческой мифологии.

В Михайловском за годы ссылки Пушкин написал также ряд критических статей, многие из которых, как, например, «О поэзии классической и романтической», «О народности в литературе» и др., имеют большое принципиальное значение.

Помимо художественных произведений и статей Пушкин написал в Михайловском за два года около 120 писем, что составляет четвёртую часть всей сохранившейся его переписки. Это и понятно. Переписка была в те годы одним из немногих способов общения поэта с близкими ему людьми, связи с внешним миром, участия в политической и литературной жизни страны. Среди адресатов Пушкина — родственники, друзья, виднейшие русские писатели, критики, журналисты. В письмах поэт говорит о своей жизни, настроениях, переживаниях и замыслах, высказывает мнения по различным вопросам литературы и политики. В письме к А. А. Бестужеву Пушкин впервые по достоинству оценил гениальную комедию Грибоедова «Горе от ума», рукопись которой привёз ему в Михайловское И. И. Пущин. Письма Пушкина этой поры поражают богатством содержания, глубиной и остротою мысли, меткостью и выразительностью языка, представляют огромный интерес, не только как материал для биографии поэта, но и как ценнейшие документы идейной жизни эпохи. Своими письмами, так же как и художественными произведениями и статьями, Пушкин принимает живейшее участие в общественно-литературной борьбе, неизменно защищая прогрессивные позиции демократического и реалистического искусства.

Самыми радостными событиями в жизни «михайловского изгнанника» были посещения друзей.

И ныне здесь, в забытой сей глуши,
В обители пустынных выуг и хлада,
Мне сладкая готовилась отрада:
Троих из вас, друзья моей души,
Здесь обнял я...

Эти трое — лицейские товарищи поэта: Пущин, Дельвиг, Горчаков.

И. И. Пущин, будущий декабрист, близкий друг Пушкина с лицейской скамьи, первый посетил его в Михайловском 11 января 1825 года. В воспоминаниях своих он рассказывает: «...Как будто неожиданно вломились смаху в притворенные ворота, при громе колокольчиков. Не было силы остановить лошадей у крыльца, протащили мимо и

засели в снегу нерасчищенного двора... Я оглядываюсь, вижу на крыльце Пушкина, босиком, в одной рубашке, с поднятыми вверх руками. Не нужно говорить, что тогда во мне происходило. Выскакиваю из саней, беру его в охапку и тащу в комнату... Прибежавшая старуха застала нас в объятиях друг друга в том самом виде, как мы попали в дом: один — почти голый, другой — весь забросанный снегом. Наконец пробила слеза (она и теперь, через 33 года, мешает писать в очках), мы очнулись. Совестно стало перед этой женщиной, впрочем, она всё поняла. Не знаю, за кого приняла меня, только, ничего не спрашивая, бросилась обнимать. Я тотчас догадался, что это добрая его няня, столько раз им воспетая, — чуть не задушил её в объятиях... Наконец, помаленьку прибрались; подали нам кофе; мы уселись с трубками. Беседа пошла правильнее; многое надо было хронологически рассказать, о многом расспросить друг друга...» День 11 января был для Пушкина одним из счастливейших дней за всё время ссылки. Поэт вспоминал встречу с другом в стихах на лицейскую годовщину 19 октября 1825 г.:

...Поэта дом опальный,
О Пущин мой, ты первым посетил;
Ты усладил изгнанья день печальный,
Ты в день его Лицея превратил...

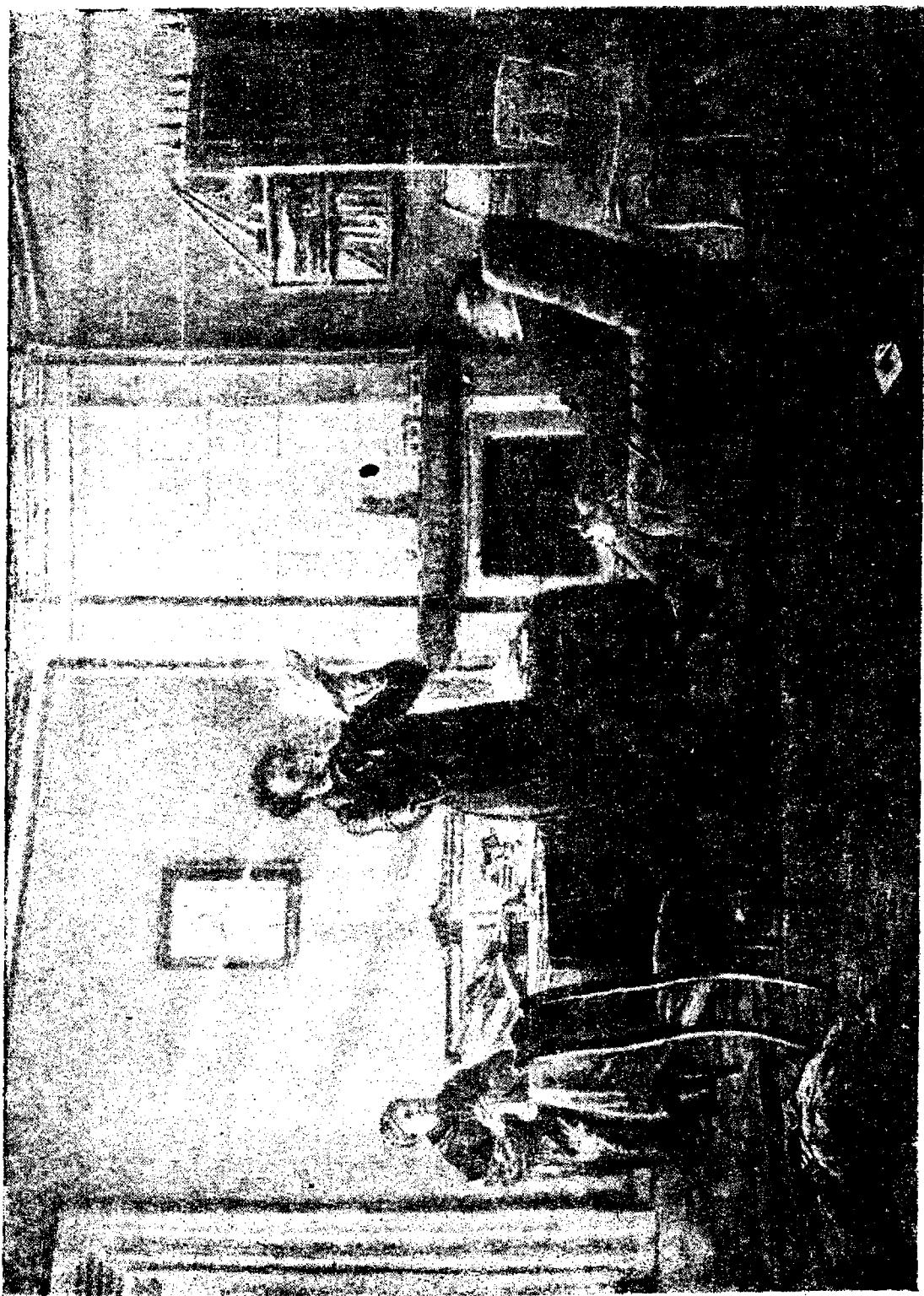
Долго ждал Пушкин к себе другого своего лицейского товарища и близкого друга поэта А. А. Дельвига. Настойчиво приглашал его в письмах. Дельвиг приехал в середине апреля 1825 г. и провёл в Михайловском несколько дней. Он читал стихи, говорил о литературе. От него Пушкин узнал последние политические и литературные новости. Сам он читал другу отрывки из своих произведений, в том числе из «Бориса Годунова». В стихотворении «19 октября» он с благодарностью вспоминал о приезде Дельвига и радостных минутах, которые приезд этот ему доставил.

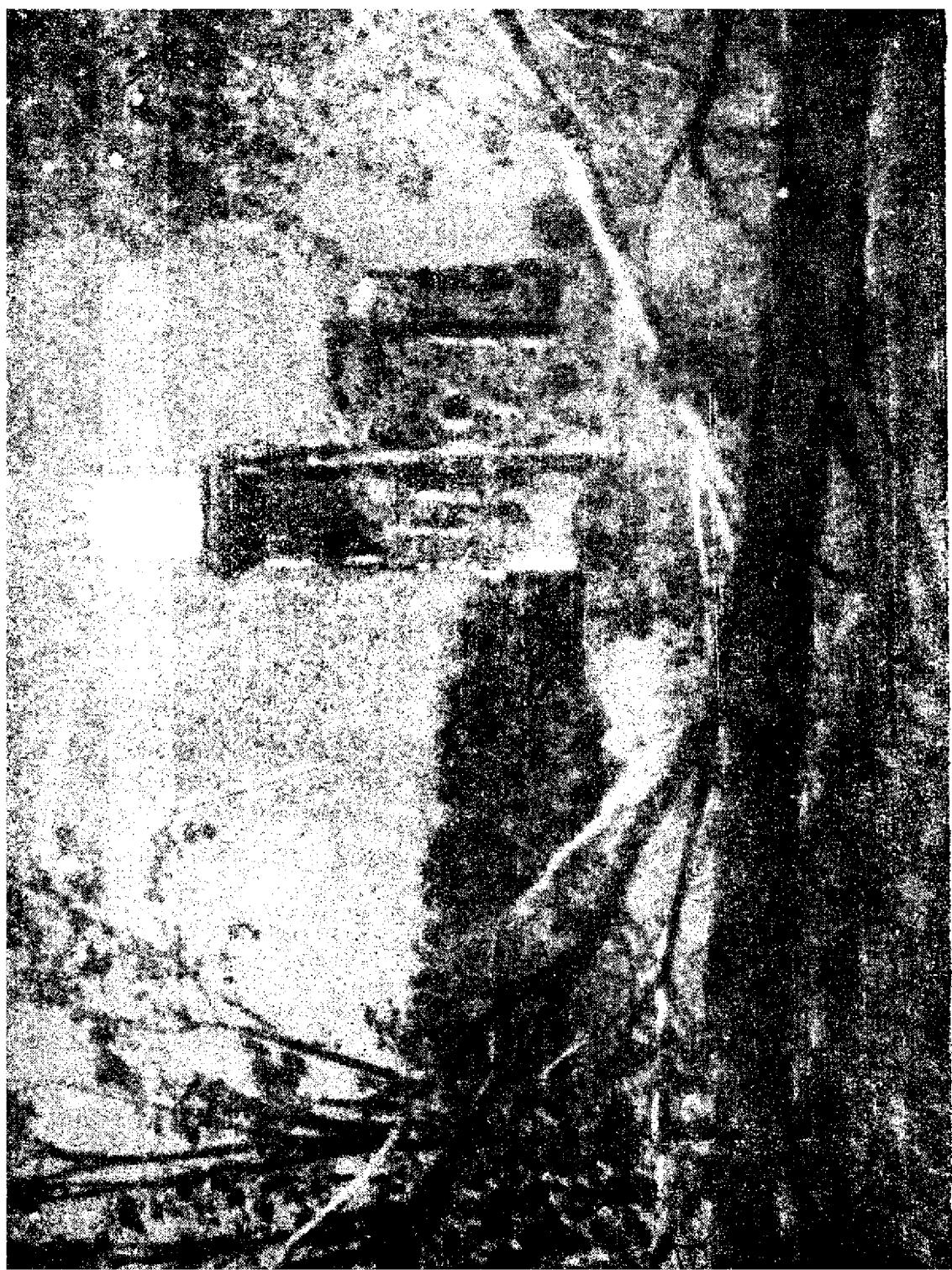
Когда постиг меня судьбыны гнев, —
Для всех чужой, как сирота бездомный,
Под бурею главой поник я томной
И ждал тебя, вещун пермесских дев.
И ты пришёл, сын лени, вдохновенный.
О Дельвиг мой! твой голос пробудил
Сердечный жар, так долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословил...

В начале сентября того же 1825 г. Пушкин встретился с третьим лицейским товарищем — кн. А. М. Горчаковым, в

Пушкин и Пущин в Михайловском.

С картины Н. Н. Ге, 1875 г.

Михайловское. Фундамент Дома-музея Гуцкова, разрушенного немецко-фашистскими захватчиками.

Фото. 1944 г.

имении его дяди Пещурова. Встреча эта не принесла поэту той радости, которую он испытывал при встрече с Пущиным и Дельвигом. Сухой карьерист-дипломат, каким был Горчаков уже в эту пору, и ссылочный поэт имели весьма мало общего. Но, «во мраке заточенья» и эта встреча была лучом света. Пушкин тепло вспоминал о ней в десятой строфе «19 октября».

О приездах друзей вспоминал Пушкин и тогда, когда писал:

Кто долго жил в глуши печальной.
Друзья, тот верно знает сам,
Как сильно колокольчик дальний
Порой волнует сердце нам.
Не друг ли едет запоздалый,
Товарищ юности удалой?..

(«Граф Нулин»)

Из людей, близких поэту в Михайловском, необходимо вспомнить его соседей, владельцев с. Тригорского, Осиповых-Вульфов. С этой семьёй, культурной и приветливой, Пушкин неизменно поддерживал тёплые дружеские отношения.

Но самым близким и искренним другом поэта в Михайловском, делившим с ним все горести и радости деревенской жизни, была, бесспорно, его няня Арина Родионовна.

Арина Родионовна жила в Михайловском либо в господском доме, где присматривала за работой крепостных девушек и ухаживала за своим питомцем-поэтом, либо в отдельном маленьком флигеле, стоявшем тут же рядом и получившем сохранившееся за ним до сих пор наименование «Домик няни».

«Домик няни» сохранялся в его прежнем виде до 1944 года. О нём писал в 1898 году Г. А. Пушкин, как о «единственной постройке, сохранившейся со времени отца в Михайловском». Его берёг сам народ. В 1918 году, когда Домик сильно пострадал при пожаре усадьбы, части Красной Армии, стоявшие в районе пушкинских мест, отремонтировали его и установили постоянную охрану. Непрестанно велись работы по сохранению Домика от разрушающего действия атмосферных сил и насекомых-вредителей. Этими работами руководили виднейшие учёные. Весною 1944 года немецкие оккупанты перед своим отступлением сожгли этот драгоценный памятник пушкинского уголка и на его месте вырыли земляное укрепление. В настоящее время «Домик няни» восстанавливается. Свежие смолистые брёвна чередуются со старыми, честно прослужившими многие

десятилетия. Каждое брёвнышко, каждая дощечка, каждый кирпичик старого дома подобраны, сохранены и станут на своё место в новой постройке. Основанием для восстановительных работ служат точные планы, снятые в 1940 году, сохранившийся фундамент и части здания, изображение его на рисунке землемера Иванова 1837 г., многочисленные картины, фотографии, описания. Домик был небольшой, квадратный, обшитый и крытый тёсом; состоял из двух комнат, в три окна каждая. Комнаты разделял сквозной коридор, на противоположных концах которого двери: одна — в сторону обрыва к реке — заднее крыльцо, другая — в сторону усадьбы — парадное крыльцо. Кругом, как и сейчас, росли кусты сирени, черёмухи, акаций, ветвистые клёны и берёзы. Арина Родионовна жила во флигеле, очевидно, главным образом в летнее время. В тёплые летние вечера здесь на крылечке рассказывала она Пушкину свои сказки, напевала свои песни.

Велико значение старушки-няни в жизни и творчестве поэта. Арина Родионовна прослужила в семье Пушкиных не один десяток лет (с 1796 г.) и вынянчила всех их детей. В 1799 году ей была предложена вольная, но она отказалась и до конца дней осталась со своими питомцами. Мальчик Пушкин учился у няни Арины народному русскому языку, к которому навсегда сохранил глубокую любовь; с нею проводит он здесь летние месяцы 1819 года. Но особенно велико значение Арины Родионовны в жизни и творчестве поэта в годы михайловской ссылки. «Она единственная моя подруга — и с нею (одною) только мне не скучно...» — подчёркивает Пушкин, характеризуя свою жизнь в Михайловском. Действительно, в эту пору старушка-няня — самый близкий друг опального поэта. Отношения их поражают своей удивительной нежностью. «Он всё с Ариной Родионовной, коли дома, — рассказывал кучер Пушкина Пётр. — Чуть встанет утром, уже бежит её глядеть: здорова ли мама. Он её всё «мама» называл...» К Арине Родионовне обращён знаменитый «Зимний вечер», глубокий смысл которого только здесь, у «Домика няни», становится полностью понятным. Старушка-няня отвечала своему питомцу столь же горячей материнской привязанностью. Она ведает в Михайловском всем его хозяйством, проявляя при этом массу внимания и заботы.

Арине Родионовне в большой степени обязан Пушкин первым знакомством с сокровищами народного искусства. Она была посредницей между великим народным поэтом и

поэзией его народа... «Вечером слушаю сказки и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма!..» — писал Пушкин брату в начале ноября 1824 года. Арина Родионовна различных сказок знала великое множество и рассказывала с большим мастерством. Несколько сказок, показавшихся Пушкину особенно интересными, он записал в одной тетради с «Евгением Онегиным» и «Цыганами». Интерес к сказкам няни связан с общим огромным интересом поэта к народному творчеству и народному языку. «Он любил гулять около крестьянских селений и слушать крестьянские рассказы, шутки и песни» — говорят современники. За два года он собрал больше полусотни песен, которые хотел было издать в виде отдельного сборника, но потом передал И. В. Киреевскому, и они вошли в его известное собрание. Этот интерес к фольклору, записи сказок и песен имели несомненно большое значение для формирования реалистического народного стиля и языка произведений самого поэта. Сказки же Арины Родионовны, как известно, послужили ему непосредственно материалом для создания, уже позже, его собственных замечательных сказок («О попе и работнике его Єалде», «О медведице», «О царе Салтане»). Любимая присказка Арины Родионовны «у моря-лукоморья стоит дуб, а на том дубу золотые цепи, а по тем цепям ходит кот: вверх идёт — сказки сказывает, вниз идёт — песни поёт» послужила основанием для пролога ко второму изданию «Руслана и Людмилы».

«Пушкин был первым русским писателем, который обратил внимание на народное творчество и ввёл его в литературу... Он украсил народную песню и сказку блеском своего таланта, но оставил неизменными их смысл и силу». (М. Горький).

Арине Родионовне поверяет поэт свои творческие замыслы:

Но я плоды моих мечтаний
И гармонических затей
Читаю только старой няне,
Подруге юности моей.

Она же служит прототипом для образа крепостной старушки-няни, доброй, благородной, любящей, с которым мы не раз встречаемся в творчестве Пушкина. Недаром называл он Арину Родионовну «оригиналом няни Татьяны». Действительно, в Филиппьевне, «старушке в длинной телогрейке, с платком на голове седой», мы различаем знакомые черты

Арины Родионовны. О ней заставляют вспомнить и слова Филиппьевны:

...Я бывало
Хранила в памяти немало
Старинных былей, небылиц
Про злых духов и про девиц...

Можно думать, что знакомые черты своей «подруги» вспоминал поэт и тогда, когда в романе «Дубровский» рисовал такой же образ старой няни Орины Бузыревой. И, несомненно, простые, трогательные письма Арины Родионовны подсказали ему содержание и форму письма Орины Бузыревой к своему молодому барину Владимиру Дубровскому в Петербург. 6 марта 1827 г. Арина Родионовна писала Пушкину из Михайловского: «Любезный мой друг Александр Сергеевич, я получила ваше письмо и деньги, которые вы мне прислали. За все ваши милости я вам всем сердцем благодарна; вы у меня беспрестанно в сердце и на уме, и только когда засну, забуду вас и ваши милости ко мне... Ваше обещание к нам побывать летом меня очень радует. Приезжай, мой ангел, к нам в Михайловское, всех лошадей на дорогу выставлю... Я вас буду ожидать и молить бога, чтобы он дал нам свидеться...». Пушкин тщательно хранил это письмо среди писем замечательнейших своих современников. Прямыми ответом на него звучит полное искренней любви стихотворение, написанное, очевидно, также в 1827 году:

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя,
Одна в глухи лесов сосновых,
Давно, давно ты ждёшь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах.
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках,
Глядишь в забытые вороты
На чёрный отдалённый путь:
Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всесчасно грудь...

25 июня 1828 г. Арина Родионовна умерла в Петербурге, в доме старшей своей воспитанницы Ольги Сергеевны, 70-ти лет от роду. Мы не знаем её могилы. До нас не дошло даже её портрета. Но она не забыта. Имя крепостной старушки-няни живёт в веках рядом с именем гениального поэта как имя его друга, вдохновителя, свидетеля его переживаний, участника его трудов. Нежная дружба их стала

символом нерушимой связи великого народного поэта со своим народом.

Берёзовая аллейка, остаток старой аллеи, соединявшей Михайловское с Петровским, ведёт от центра усадьбы к системе старых прудов. Это одно из красивейших мест Михайловского. Пруды расположены лестницей, один ниже другого, так что вода в них, поступающая из родников и лесных ручьёв, медленно стекает из верхнего в нижний и затем в Сороть. Берега их обсажены серебристой ивой, спускающейся к самой воде. Через пруды перекинуты мостики, восстановленные в 1936 г. по старым образцам. Пруды эти, очевидно, были вырыты ещё в ганнибаловские времена, как обязательная принадлежность усадебного парка французского образца. Они шли вдоль всей восточной границы усадьбы и отделяли её от парка и полей. Сразу за ними, в виде естественной изгороди, стройными рядами поднимаются вековые липы. В центре верхнего пруда — небольшой искусственный островок — «остров уединения». Весь островок порос деревьями, среди которых выделяются 150—200-летние великаны сосны. В пушкинские времена здесь стояла беседка, и из неё открывался вид на всю систему прудов, на Сороть и Кучане. Этот живописный поэтический уголок не мог не привлекать внимания Пушкина. На этом фоне «величавого уединения», тишины и простора особенно выразительно звучат его многочисленные поэтические признания о любви к «деревенской тишине», «деревенской свободе».

Помимо усадьбы с её живописными окрестностями, замечательным памятником жизни и творчества Пушкина в Михайловском до сих пор остаётся парк. Михайловский парк, или сад, как часто называет его Пушкин, постоянно привлекал внимание поэта.

«...Люблю сей тёмный сад с его прохладой и цветами...» — читаем мы в «Деревне». «Огромный, запущённый сад, приют задумчивых Дриад...» — неоднократно фигурирует, как мы могли видеть, в пейзаже «Онегина». Здесь, в аллеях старого сада, рождались и зрели «творческие думы» поэта, рисовались ему черты любимых героев и новой его музы.

И вот она в саду моём
Явилась барышней уездной...

Михайловский парк в большей части естественный — состоит из елей и сосен и небольшого числа лип и берёз.

Он разбит Ганнибалами ещё в XVIII веке. По принципу разбивки напоминает французские парки, но далеко не так типичен, как, например, парк Петровского. Он лишён характерной геометрической строгости форм. Через весь парк проходит центральная еловая аллея. По обе стороны её разбиты другие аллеи — липовые, берёзовые, сходившиеся радиусами в центре каждой половины парка. Аллеи украшали цветники, «парковые парнасы», диваны, беседки. Сразу же за парком начинался сосновый бор, «Михайловские рощи», через которые песчаная лесная дорога ведёт от Михайловского к Пушкинским Горам и Святогорскому монастырю. Самые старые и красивые аллеи парка — липовая, идущая возле усадьбы, и центральная еловая.

Липовая аллея хорошо сохранилась. Огромные деревья причудливой формы, посаженные в ганнибаловские времена, широко раскинули свои ветви. С обоих концов аллеи деревья образуют круглые площадки, нечто вроде естественных беседок. За этой аллеей прочно укрепилось название «аллеи Керн». Как говорит предание, именно по этой аллее, одной из самых красивых и любимых поэтом, гулял он с посетившей Михайловское летом 1825 г. А. П. Керн.

С А. П. Керн Пушкин встретился ещё в 1819 году в Петербурге. В июне 1825 г. Анна Петровна приехала ненадолго в Тригорское к своей тётке П. А. Осиповой. Пушкин часто встречался с нею. Он был очарован красотой и умом молодой женщины. Анна Петровна, в свою очередь, преклонялась перед Пушкиным-поэтом. В своих воспоминаниях, едва ли не лучших из всех воспоминаний о Пушкине, Керн так рассказывает о встрече с поэтом в аллее Михайловского парка летом 1825 года: «...Тётушка предложила нам всем после ужина прогулку в Михайловское. Пушкин очень обрадовался этому, и мы поехали. Погода была чудесная, лунная июньская ночь дышала прохладой и ароматом полей... Приехавши в Михайловское, мы не вошли в дом, а пошли прямо в старый, запущенный сад, «приют задумчивых Диад», с длинными аллеями старых деревьев, корни которых, сплетаясь, вились по дорожкам, что заставляло меня спотыкаться, а моего спутника вздрагивать. Тётушка, приехавши туда вслед за нами, сказала: «Дорогой Пушкин, окажите честь приёма dame».* Он быстро подал мне

*) Эта фраза в оригинале по-французски.

руку и побежал скоро, скоро, как ученик, неожиданно получивший позволение прогуляться. Подробности разговора нашего не помню... На другой день я должна была уехать в Ригу вместе с сестрой Анной Николаевной Вульф. Он пришёл утром и на прощание принёс мне экземпляр II главы «Онегина», в неразрезанных листах, между которых я нашла вчетверо сложенный почтовый лист бумаги со стихами:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты...

Насколько серьёзно было чувство, внушённое Керн, можно судить по письмам Пушкина после её отъезда. Уже через несколько дней, 21 июля, он писал Анне Вульф (подлинник по-французски): «...каждую ночь гуляю я по своему саду и говорю себе: она была здесь, камень, о который она споткнулась, лежит на моём столе подле вялого гелеотропа...»

«Аллея Керн» вплотную подходит к центральной еловой аллее. Гиганты-ели, которые больше века тому назад встречали поэта, встречают теперь настем же приветным шумом. Они вытянулись двумя строгими линиями по краям песчаной дороги. Прошедший век, пожалуй, не особенно изменил их. Почти такими же мощными и старыми видел их поэт. К сожалению, несколько деревьев погибло во время хозяйственности фашистских преступников, на других видны ссадины от осколков снарядов, сбиты вершины. Сейчас принимаются все меры, чтобы сохранить их от дальнейшего разрушения. По обеим сторонам аллеи, у самого въезда в усадьбу, симметрично расположены два небольших пруда. Эта еловая аллея — центральная аллея парка — в то же время служила въездной дорогой в усадьбу. По этой аллее столько раз попадал в Михайловское Пушкин. По ней 11 января 1825 г. ехал Пушкин.

По ней же, 3 сентября 1826 года Пушкин, покидая Михайловское после двух лет ссылки, ехал в Москву. Освобождение пришло неожиданно. Большую роль в нём сыграло то обстоятельство, что формально Пушкин был непричастен к делу декабристов, хотя и немало способствовал своими стихами распространению их вольнолюбивых идей. Возможно, что известное значение имели также положительные для поэта результаты специального тайного расследования по доносу о поступках Пушкина, «клонящихся к возбуждению к вольности крестьян».

Донос этот исходил от соседей поэта по имени — помещиков П. С. Пущина и др. и имел своим основанием постоянное дружеское общение поэта с народом при пренебрежительном отношении к соседям-помещикам. Для «возможно тайного и обстоятельного исследования поведения известного стихотворца Пушкина» в ближайший уездный город Новоржев был послан агент III отделения А. К. Боняк, выдававший себя за «путешествующего ботаника». Однако, никаких улик против ссыльного поэта собрать ему не удалось и в докладной «записке о Пушкине», основанной на опросе многих лиц, знавших поэта, он вынужден был констатировать, что поэт «...действительно не может быть почтён, по крайней мере, поныне, распространителем вредных в народе слухов, а ещё менее — возмутителем». Давние просьбы Пушкина об освобождении из ссылки и разрешении ехать для лечения «или в Москву, Петербург, или в чужие края» были удовлетворены новым императором Николаем I.

Сентябрьской ночью 1826 года в Михайловское прибыл нарочный с письмом от псковского губернатора, и в ту же ночь, наскоро собравшись и распрошавшись с Ариной Родионовной, Пушкин покинул Михайловское и уехал в Псков, а оттуда, в сопровождении фельдъегеря, — в Москву. Одна из обитательниц Тригорского, М. И. Осипова вспоминала впоследствии: «Пушкин был у нас; погода стояла прекрасная, мы долго гуляли. Пушкин был особенно весел. Часу в одиннадцатом вечера сестры и я проводили Пушкина по дороге в Михайловское... Вдруг рано, на рассвете, является к нам Арина Родионовна, няня Пушкина... Она прибежала, вся запыхавшись, седые волосы её беспорядочными космами спадали на лицо и плечи, она плакала навзрыд. Из расспроса её оказалось, что вчера вечером, незадолго до прихода Александра Сергеевича, в Михайловское прискакал какой-то не то офицер, не то солдат... Он объявил Пушкину повеление немедленно ехать вместе с ним в Москву. Пушкин успел только взять деньги, накинуть шинель, и через полчаса его уже не было. «Что ж, взял этот офицер какие-нибудь бумаги с собой?» — спрашивали мы няню. — «Нет, родные, никаких бумаг не взял, и ничего в доме не ворошил; после только я сама кой-что поуничтожила». — «Что такое?» — «Да сыр этот проклятый, что А. С. кушать любил, а я так терпеть его не могу, и духото от него, от сыра-то этого немецкого, такой скверный...» 8 сентября Пушкин был уже в Москве. Два года ссылки,

Упирорское БИ в береа Сороки.

Фото М.Н.Миронова

Тригорское. «Дуб уединенный».
Фото М. Н. Муравьёвского.

два года напряжённой творческой работы остались позади. Прощаясь с родными местами, Пушкин, сразу по приезде в Москву, писал в последней строфе VI главы «Евгения Онегина»:

Дай огляпусь. Простите ж, сени,
Где дни мои текли в глуши,
Исполнены страстей и лени
И снов задумчивой души...

Вправо от еловой аллеи, вблизи усадьбы, идёт старая
широкая дорога («зимняя дорога»), ведущая
через парк к Тригорскому. Лесная дорога эта очень краси-
ва и разнообразна. Она выходит к озеру Маленеи и
сливается с нижней, летней дорогой, соединяющей
Петровское, Михайловское и Тригорское.

Пушкин был неутомимый ходок пешком, и «во всех его прогулках поэзия неразлучно сопутствовала ему». Отдельные стихи и целые сцены складывались у него на ходу.

Поэт рассказывал, что, бродя здесь у озера, он «думал стихами» и чтением их пугал диких уток. Такое же признание находим мы в IV главе «Онегина»:

Тоской и рифмами томим,
Бродя над озером моим,
Пугаю стадо диких уток;
Вняв иенью сладковзвучных строф,
Они слетают с берегов.

Навсегда остался Пушкин верен глубокой привязанности к своей «псковской деревне», как остался он верен на-
всегда высоким идеалам борьбы за свободу и счастье народа, которым посвятил свой гений и свою жизнь.

Когда Николай I «милостиво» встретил Пушкина и «да-
ровал ему свободу», он преследовал вполне определённую
цель — «разоружить» поэта, использовать его перо. Шеф
жандармов Бенкendorf в донесении царю цинично заявлял:
«Он всё-таки порядочный шелопай, но если удастся направить
его перо и его речи, то это будет выгодно». «Войдя в кабинет Чудовского дворца, 8 сентября 1826 года, на аудиенцию к Николаю I хотя и ссылочным, но духовно свободным человеком, он вышел оттуда... свободным поднадзорным», — и с этого дня голубая громоздкая, но мягкая фигура Бенкendorфа становится рядом с поэтом и неотступно по пятам сопровождает его уже до самой могильы» (Б. Л. Модзальевский). Пушкин, как он сам говорил о себе, «не ушёл от жандарма». Но «направить его перо и его речи» жандармам не удалось. Поэт не сложил оружия..

не перешёл в лагерь врагов. И, естественно, с каждым годом он всё сильнее чувствовал нажим жандармского сапога, всё резче проявлялся глубочайший конфликт между народным поэтом и ненавидевшей его «светской чернь». Эта «светская чернь» делала всё, чтобы отравить его жизнь в Петербурге. Преследуемый ею, усталый от придирок жандармов и цензуры, негодующий и озлобленный, Пушкин неоднократно вырывался из душного Петербурга в родное Михайловское насладиться покоем, простором и свободой деревни, найти уединение, — столь необходимое условие творчества. «Пошлость и глупость обеих столиц наших равны, хотя и различны, — писал Пушкин П. А. Осиповой в июле 1827 г., — и так как я имею претензию быть беспристрастным, то скажу, что, если бы мне дали выбирать между той и другой, то я выбрал бы Тригорское». А через месяц поэт, по собственному его выражению, «убежал в Михайловское, почужа рифмы». Эти настроения нашли своё глубокое выражение в стихотворении «Поэт», заканчивающемся строфой:

Бежит он, дикий и суровый,
И звуков, и смятенья полн,
На берега пустынных волн
В широкошумные дубровы...

В этот приезд, за три осенних месяца, Пушкин написал в Михайловском более десяти произведений и в том числе незаконченный роман «Арап Петра Великого» — первый серьёзный опыт в области прозы.

В 1831 г. Пушкин задумывает приобрести маленькое имение Савкино, расположенное возле Михайловского, на противоположном берегу Маленца, построить себе там хижину, поместить в ней свои книги и проводить здесь несколько месяцев в году. Мысль эта всю жизнь не покидала поэта. Он неоднократно возвращался к ней, особенно в те тяжёлые годы, когда все его желания были направлены к одному — вырваться из душного Петербурга, бежать от преследований жандармов и «светской черни». «Признаюсь, — писал он П. А. Осиповой, — что это житьё-бытьё довольно глупо, и что я горю желанием так или иначе изменить его. Не знаю, приеду ли я ещё в Михайловское, между тем, как таково было бы моё желание. Признаюсь, что шум и суета Петербурга сделались мне совершенно чуждыми — переношу их с раздражением. Я предпочитаю Ваш красивый сад и прелестный берег Сороти

Вы видите, что мои вкусы продолжают быть поэтическими, несмотря на скверную прозу моего теперешнего существования...» Обращаясь к жене в известном стихотворении, поэт воскликнул:

На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно заветная мечтается мне доля,
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

Неоднократно предпринимал Пушкин попытки получить разрешение царя покинуть Петербург и совсем переселиться в Михайловское. Но покинуть столицу и поселиться в деревне ему так и не удалось. Царь не дал разрешения, не имела желания ехать в деревню и жена поэта Наталия Николаевна. С тем большей настойчивостью Пушкин пользовался всякой возможностью посетить Михайловское. Дважды приезжал он в родные места в 1835 году—весной и осенью. О первом его приезде сохранились интересные воспоминания М. И. Осиповой: «Кажется, в 1835 г.—да, так точно,—приехал он сюда дня на два всего, пробыл 8 и 9 мая,—приехал такой скучный, утомлённый: «Господи,—говорит,—как у Вас тут хорошо. А там-то, там-то, в Петербурге, какая тоска зачастую душит меня!»

В сентябре Пушкин приехал в Михайловское, чтобы провести здесь осень, «отдохнуть от горя» и поработать. Однако на этот раз даже любимое Михайловское не может дать ему покоя и отдыха, творческого воодушевления, которые он находил в нём прежде. Заботы Петербурга преследуют его и здесь. Он раздражителен, беспокоен. Грусть звучит в его письмах: «В Михайловском нашёл я всё по-старому. Кроме того, что нет уже в нём няни моей и что около знакомых старых сосен поднялась, во время моего отсутствия, молодая сосновая семья, на которую досадно мне смотреть, как иногда досадно мне видеть молодых кавалергардов на балах, на которых уже не пляшу». Как и прежде, поэт много ходит и ездит верхом. Разнообразные думы сопутствуют ему во всех прогулках. Но теперь это уже не рифмы, а мучительные размышления о том, что осталось в Петербурге, о том, как и чем жить. «Ты не можешь вообразить, — пишет поэт жене, — как живо работает воображение, когда сидишь один между четырёх стен или ходишь по лесам, когда никто не мешает нам думать, думать до того, что голова кружится. А о чём я думаю? вот о чём: чем нам жить будет?» Думы эти раздражают, вызывают беспокой-

ство, мешают творить. «Вообрази, что до сих пор не написал я ни строчки, а всё потому, что не спокоен», — замечает Пушкин в письме к жене 25 сентября.

Попрежнему охотно посещает поэт Тригорское, где всегда находит радушный дружеский приём. Как и прежде, постоянно направляется он, пешком или верхом, к своим друзьям по этой дороге. Это любимая его дорога. Вдоль неё разбросаны любимые его уголки, которые и сейчас он особенно охотно посещает и вспоминает в единственном большом стихотворении, написанном в эту осень.

...Вновь я посетил
Тот уголок земли, где я провёл
Изгнаником два года незаметных.
Уж десять лет ушло с тех пор и много
Переменилось в жизни для меня.
И сам, покорный общему закону,
Переменился я — но здесь онять
Минувшее меня объемлет живо,
И кажется, вечор ещё бродил
Я в этих рощах.

Из-за стройных деревьев сосновой рощи, на вершине Михайловского холма, виднеются крыши усадебных строений.

...Вот опальный домик,
Где жил я с бедной нянею моей.
Уже старушки нет — уж за стеную
Не слышу я шагов её тяжёлых,
Ни кропотливого её добра.

Несколько ниже выделяется небольшой лесистый холмик, поросший старыми соснами, елями, берёзами. Холмик этот — любимое место уединения и творческих размышлений поэта.

Вот холм лесистый, над которым часто
Я сиживал недвижим и глядел
На озеро; воспоминая с грустью
Иные берега, иные волны...

Обогнув Маленец, дорога круто взирается в гору. Здесь, примерно на полпути между Михайловским и Тригорским, у самой границы михайловских земель, стояли три большие сосны. Мимо них столько раз проходил и проезжал поэт. Они привлекали его, и он подолгу сиживал здесь, отдохвая. Сосен этих давно нет, но место, где они стояли, до сих пор у окрестного населения носит название «кривые сосны». В приезд 1835 года Пушкин нашёл своих старых знакомцев неизменными. Грустно было слышать ему

теперь «приветный шорох их вершин», досадно смотреть на молодую поросль вокруг них. Однако вид молодняка вызывает в поэте не столько досаду, сколько радость — растёт молодое, новое, чему принадлежит будущее, неиссякаемые жизненные силы родной земли. Поэт жадно стремится к молодому, новому, и горячо приветствует его:

На границе

Владений дедовских, на месте том,
Где в гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоят — одна поодаль, две другие
Друг к дружке близко, — здесь, когда их мимо
Я проезжал верхом при свете лунном,
Знакомым шумом шорох их вершин
Меня приветствовал. По той дороге
Теперь поехал я и пред собою
Увидел их опять. Они всё те же,
Всё тот же их знакомый уху шорох,
Но около корней их устарелых
(Где некогда всё было пусто, голо)
Теперь младая роща разрослась,
Зелёная семья: кусты теснятся
Под сенью их, как дети. А вдали
Стоит один угрюмый их товарищ,
Как старый холостяк и вокруг него
Попрежнему всё пусто.

Здравствуй, племя

Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучий поздний возраст,
Когда перерастёшь моих знакомцев
И старую главу их заслонишь
От глаз прохожего. Но пусть мой внук
Услышит ваш приветный шум, когда,
С приятельской беседы возвращаясь,
Весёлых и приятных мыслей полн,
Пройдёт он мимо вас во мраке ночи
И обо мне вспомянёт.

Здесь, среди цветущей природы, у того места, где стояли старые пушкинские знакомцы и где сейчас поднимается стройный молодой лесок, слова эти звучат по-особенному. Мы слышим живой голос поэта, обращённый к нам, сынам освобождённой его Родины, больше чем через сто лет пришедшем сюда, чтобы «вспомянуть» о нём.

IV. ТРИГОРСКОЕ

«Через длинный ряд холмов» старая дорога приводит к Тригорскому. Над самой рекой отчётливо вырисовываются три холма. Первый холм — деревня Воронич.

остаток когда-то богатого и сильного псковского пригорода. Второй — Городище, остаток древней крепости с расположенным на нём семейным кладбищем владельцев Тригорского. Третий — парк и усадьба.

...И три горы, и дом красивый,
И светлой Сороти извины...
И там, у берега, тень ивы —
Приют прохлады в летний зной.
Наяды полог продувной,
И те отлогости, те нивы,
Из-за которых вдалеке,
На вороном аргамаке,
Заморской шляпою покрытый.
Спеша в Тригорское, один —
Вольтер, и Гёте, и Расин —
Являлся Пушкин знаменитый...

(Н. М. Языков, «П. А. Осиповой»)

Огибая средний холм, дорога ведёт в усадьбу, к месту господского дома (пешком можно пройти и по тропинке вдоль берега).

Господский дом в Тригорском сгорел в 1918 году; остался лишь старый фундамент, по которому можно установить его форму, величину и примерное расположение комнат. Дом был деревянный, обшитый некрашеным тёсом, приземистый, длинный, в один этаж. Архитектура его отличалась крайней незамысловатостью (даже по сравнению с домом Михайловского). «Это — не то сарай, не то манеж. оба конца которого украшены незатейливыми фронтонами. Дело в том, что эта постройка никогда и не предназначалась под обиталище владельцев Тригорского; здесь.. помещалась парусиновая фабрика, но в 1820 ещё годах.. владелица Тригорского задумала перестроить обветшавший дом свой, бывший недалеко от этой постройки, и временно перебралась в этот «манеж»... да так в нём и осталась...» (М. И. Семевский).

Слева от дома — фруктовый сад. Справа — обрыв к Сороти, с которого раскрывается великолепный вид «на долы и на горы». Прямо перед домом — продолговатый чистый пруд, самый большой из трёх прудов, имеющихся в усадьбе. За домом открывается парк.

В стране, где Сороть голубая,
Подруга зеркальных озёр,
Разнообразно между гор
Свои изгибы расстилая,
Водами ясными поит
Поля, украшенные нивой ...

Там, у раздолья, горделиво
Гора трёххолмная стоит.
На той горе, среди лощины,
Перед лазоревым прудом,
Белеется весёлый дом
И сада тёмные куртины,
Село и пажити кругом.

(Н. М. Языков, «Тригорское»)

В доме было десять комнат. Обстановка их не отличалась особенной роскошью, но была значительно богаче и комфортабельнее, чем в Михайловском. Весь дом был простой, но просторный, светлый, гостеприимный. В этом доме жили ближайшие соседи Пушкина — статская советница П. А. Осипова-Вульф, рождённая Вындорская, со своей многочисленной семьёй.

Тригорское, или как оно тогда называлось, Егорьевская губа, было пожаловано 29 июля 1762 г. Екатериной II Шлиссельбургскому коменданту М. Д. Вындорскому. Затем оно перешло к его сыну А. М. Вындорскому, — отцу П. А. Осиповой, а после его смерти, в 1813 г., — к ней.

Семья Осиповых-Вульфов, кроме самой Прасковьи Александровны, состояла из трёх детей от первого брака: Алексея, Анны, Евпраксии (Зизи) Вульфов и двух от второго брака — Марии и Екатерины Осиповых да падчерицы Александры Осиповой (Алины).

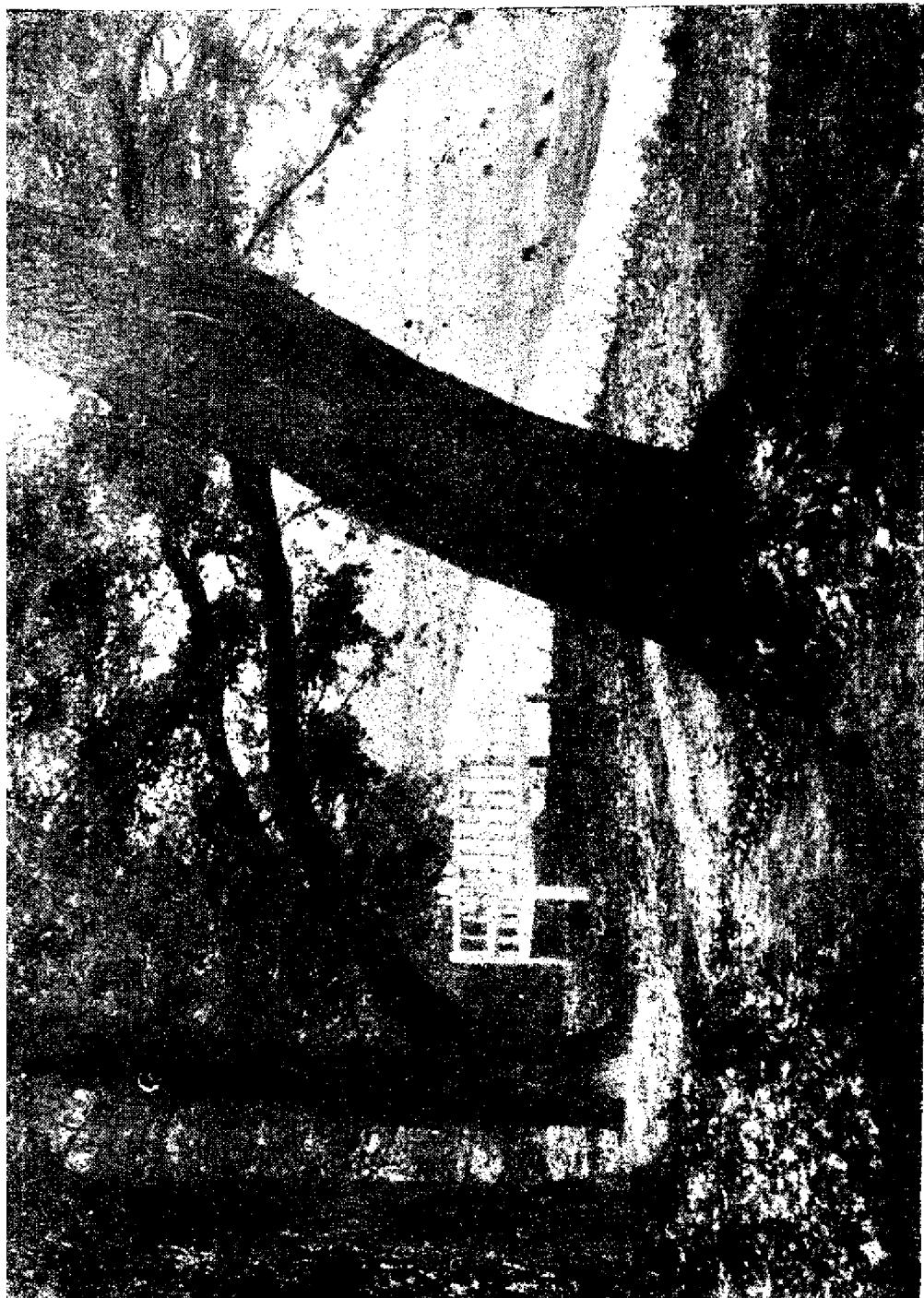
Уже в первый приезд в псковское имение летом 1817 г. Пушкин часто бывал с сестрой у своих тригорских соседей, познакомился и подружился с ними. Уезжая, он писал:

...Прости, Тригорское, где радость
Меня встречала столько раз!
На то ль узнал я вашу сладость,
Чтоб навсегда покинуть вас?
От вас беру воспоминанье,
А сердце оставляю вам.
Быть может, сладкое мечтанье! —
Я к вашим возвращусь полям.
Приду под липовые своды,
На скат Тригорского холма,
Поклонник дружеской свободы,
Веселья, граций и ума.

«Мечтание» поэта — возвратиться «под липовые своды, на скат Тригорского холма» — сбылось. Тригорское он навещает в свой следующий приезд. В годы же ссылки становится постоянным его посетителем. Семья Осиповых-Вульфов — достаточная помещичья семья, жившая дружно, беспечно

и весело, относительно интеллигентная, не чуждая и литературным интересам. П. А. Осипова была женщина начитанная и весьма неглупая. Она выросла в семье своего отца А. М. Вынномского, человека образованного, находившегося в сношениях с Н. И. Новиковым и собравшего в своём имении богатую библиотеку. Прасковья Александровна получила хорошее по своему времени образование, владела английским и французским языками, следила за литературой. Немаловажное значение имели в образовании её французские и английские романы Ричардсона, Руссо и др. Позже она была лично знакома и вела переписку с виднейшими писателями начала прошлого века: А. И. Тургеневым, В. А. Жуковским, А. А. Дельвигом и др. Всё это не мешало ей, однако, быть весьма своеенравной, держать в ежовых рукавицах и детей, и мужа, и особенно крепостных. Первый муж её, Н. И. Вульф, «человек мало чиновный, но почтенный, умный и весьма достойный», находился всецело под её началом. Он умер в 1813 году. Прасковья Александровна вторично вышла за отставного чиновника почтового ведомства И. С. Осипова, который, однако, тоже вскоре умер. Тригорская молодёжь также была сравнительно образована, не чужда литературных интересов, особенно А. Н. Вульф, студент Дерптского университета, дружеские отношения с которым Пушкин сохранил на всю жизнь.

Сразу по приезде в ссылку, рассорившись с отцом, поэт почти полностью переселился в Тригорское. Даже письма его помечены Тригорским. В это время он особенно сближается с Прасковьей Александровной и Алексеем Вульфом, который как раз проводил здесь каникулы. После того как семья Пушкиных уехала, посещения поэтом Тригорского становятся более редкими. Пушкин наслаждается покоем, царствующим в Михайловском. Но чем дальше, тем посещения учащаются, дружеские отношения крепнут. «Пушкин... бывал у нас почти каждый день, и если, бывало, зарабатывается и засидится у себя дома, так и мы к нему с матушкой ездим...»—вспоминала М. И. Осипова. Что привлекает поэта в Тригорском? Почему он поддерживает знакомство «только с одним семейством» Осиповых-Вульфов? Прежде всего потому, что культурный уровень обитателей Тригорского был несравненно выше культурного уровня прочих соседей. С Прасковьей Александровной он мог разговаривать своим языком и на интересующие его темы. Она была в курсе и общественно-политиче-

Тригорское. «Скамья Онегина».
фото М. Н. Мурайского.

Городище Воронич
фото М. Н. Муравейского

ской и литературной жизни, видела и чтила в Пушкине в первую очередь «поэтического орла». Она же была его первым советчиком и помощником в хозяйственных делах. Алексей Вульф доставлял ему политические и литературные новости и принимал деятельное участие в подготовке побега. Мы уже говорили, что в Тригорском Пушкин нашёл большую библиотеку, книгами из которой пользовался. Но привлекало Пушкина в Тригорском и другое — беспечная весёлость, жизнерадостность молодёжи, наполнявшей этот большой одноэтажный дом, «праздный шум, говор, смех, гремевший в нём круглый день от утра до ночи, и все маленькие интриги, вся борьба молодых страсти, кипевших в нём без устали» (П. В. Анненков). Бессспорно, центром умственной жизни Пушкина было Михайловское. Но оно в то же время было и местом заточения. Желание уйти куданибудь, рассеять тяжёлое чувство тоски и одиночества, побывать среди людей, поговорить, посмеяться было естественным. Тогда поэт и отправлялся в Тригорское, где его встречали с распёртыми объятиями. Все обитатели Тригорского относились к ссыльному поэту с искренним участием и глубокой симпатией; он считал их близкими друзьями, доверял им самые сокровенные замыслы. «С усталой головой являлся он в Тригорское и оставался там по целым суткам и более, приводя тотчас в движение весь этот мир» (П. В. Анненков). О посещениях Тригорского, его обитателях, времяпрепровождении там Пушкин постоянно упоминает в письмах. Так, в ноябре 1824 г. он пишет брату: «...На днях я мерился поясом с Евпр.(аксцей) и талии нашлись одинаковы. След. из двух одно: или я имею талю 15-летней девушки или она — талю 25-летнего мужчины. Евпр. дуется и очень мила, с Анеткой бранюсь, надеяла!..». Иногда, правда редко, Пушкин читает в Тригорском свои стихи. Почти все обитательницы Тригорского воспеты Пушкиным в стихах: «Если жизнь тебя обманет...», и «Вот, Зина, вам совет...» — Е. Н. Вульф. «Признание» — А. И. Осиповой и др. П. А. Осиповой посвятил он, между прочим, своё «Подражание Корану».

Но Тригорское давало поэту не только весёлое развлечение, приятный отдых, живую беседу, тёплую дружбу, но и богатейший творческий материал. Мы вправе сказать, что бытовые реалистические картины помещичьей жизни, составляющие основное содержание III — VI глав «Онегина», зиждятся, в первую очередь, на впечатлениях и наблюдениях

жизни Тригорского. Именно Тригорское имел в виду Пушкин, когда писал: «Я нахожусь в наилучшем, какое только можно представить, положении, для того чтобы окончить мой поэтический роман». П. А. Осипова, воспитанная на романах Ричардсона и Руссо, но при этом державшая в ежовых рукавицах мужа и крепостных, и муж её — в основных типичных чертах и даже в отдельных деталях чрезвычайно близки к образам стариков Лариных. П. А. Осипова, как старушка Ларина,

...была сама

От Ричардсона без ума.

И в то же время:

...Езжала по работам,
Солила на зиму грибы,
Вела расходы, брила лбы,
Ходила в баню по субботам.
Служанок била осердясь, —
Всё это мужа не спросясь.

Невольно вспоминается характеристика, данная семье Лариных Онегиным:

Простая, русская семья,
К гостям усердие большое,
Варенье, вечный разговор
Про дождь, про лён, про скотный двор...

«Две старшие дочери г-жи Осиповой от первого мужа, Анна и Евпраксия Николаевны Вульф, составляли два противоположных типа, отражение которых в Татьяне и Ольге «Онегина» не подлежит сомнению, хотя последние уже не носят на себе, по действию творческой силы, ни малейшего признака портретов с натуры, а возведены в общие типы русских женщин той эпохи.» (П. В. Анненков). В V главе «Онегина», над которой работает Пушкин в Михайловском, он упоминает Евпраксию (Зизи) Вульф, а в феврале 1828 г. посыпает ей IV и V главы романа с надписью «Евпраксии Николаевне Вульф от Автора. Твоя от твоих, 22 февр. 1828.» «Слова «твоя от твоих» ещё раз говорят о том, что Пушкин сам хотел подчеркнуть связь между деревенскими главами «Онегина» и своей былой жизнью в Михайловском—Тригорском, о том, что впечатление от тригорских барышень, и, может быть, в особенности от Евпраксии Вульф, он как бы возвращал теперь им и ей, претворив их в художественные образы Ольги и Татьяны» (Д. П. Якубович). Самы они твёрдо считали себя прототипами геройнь «Онегина», брат их, А. Н. Вульф, считал себя прототипом Ленского. Ленский, понятно, также не портрет Вульфа, как Ольга и

Татьяна, — не портреты его сестёр. Образы пушкинского романа типичны, являются выражением и обобщением целых общественных явлений, плодом долголетних размышлений поэта — «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет», — и не могут быть сведены к портретам с тех или иных людей. Но при том они индивидуальны, основаны на реальных наблюдениях. Потому мы и можем говорить о значении в их создании отдельных членов семьи Вульфов; потому, знакомясь с обитателями Тригорского, ярче и конкретнее представляем себе образы романа.

Ещё значительно больше о старом Тригорском и связи с ним Пушкина говорит Тригорский парк. Парк искусственный, насаженный лет 180 тому назад. Основные породы: липа, клён, дуб, попадаются ели, берёзы. Он больше парков Петровского, Михайловского, много светлее, живописнее, разнообразнее. Большая свобода в планировке, разнообразие аллей, дорожек, парковых «зал» с разбросанными по ним «сюрпризами».

Немецкие захватчики нанесли парку огромный ущерб. Они изрыли его траншеями, заминировали, вырубили и поранили много ценнейших деревьев. Но и сейчас залечивающий раны парк очень хорош, в нём и сейчас очень много пушкинского.

Тропинка, переходящая затем в липовую аллею, ведёт от фундамента дома к небольшой площадке у самого обрыва над Соротью. Это одно из живописнейших мест парка. Площадку окружают вековые липы, то вытянувшись вверх, то наклонившиеся над обрывом и устремлённые в даль. А вдали попрежнему спокойно течёт прозрачная Сороть, цветут луга и зреют нивы.

Всё видно: цепь далёких гор,
И разноцветные картины
Извивов Сороти, озёр,
Села и брегов, и долины...

(Н. М. Языков. «Тригорское»)

Это одно из любимых мест обитателей Тригорского. Отсюда «много глаз.., устремлялось на дорогу в Михайловское, видную с этого пункта, и много сердец билось трепетно, когда по ней, огибая извины Сороти, показывалася Пушкин» (П. В. Анненков). На скамейке, стоявшей здесь под сенью лип и дубов (она сейчас восстановлена), назначались свидания, происходили объяснения. Уже в семье Вульфов скамья эта носила сохранившееся за нею до сих пор на-

вание «скамья Онегина» и именно с нею связывалась сцена пушкинского романа — объяснение Онегина с Татьяной.

Узкая липовая аллея ведёт от «скамьи Онегина» глубже в парк. Влево от неё полянка, примыкающая к саду и засаженная когда-то ягодными кустами. Здесь Пушкин мог видеть и слышать изображённое им в романе:

В саду служанки на грядах
Сбирали ягоды в кустах
И хором по наказу пели.
(Наказ, основанный на том,
Чтоб барской ягоды тайком
Уста лукавые не ели
И пеньем были заняты:
Затеи сельской остроты!)

Только художник-реалист, хорошо знающий крепостнический быт, мог, как это сделал Пушкин, одним штрихом раскрыть целую картину крепостнических отношений. Что касается песни девушек, любопытно заметить, что вместо известной нам «Девицы-красавицы...» в черновой рукописи была другая, возможно одна из тех, которые слышал и записывал поэт здесь, в Тригорском и Михайловском: «Вышла Дуня на дорогу, помолившись богу—Дуня плачет, завывает, друга провожает...».

Несколько дальше, вправо от аллеи, — дорожка к реке. У самого обрыва возвышается небольшая площадка — занесённый землёй и поросший травою фундамент небольшой деревянной баньки, в которую Праксевья Александровна отсыпала ночевать мужскую молодёжь, в том числе и Пушкина, когда в доме нехватало места. Особенно часто ночевал здесь поэт летом 1826 года. Это лето в Тригорском было самым весёлым, хотя конец его и сильно омрачили известия о суде над декабристами, а позже — и о казни пятерых из них. Пушкин почти всё время проводил здесь. Погода стояла прекрасная; «недели проходили без облачка на небе, без освежительного дождя и ветра. Пушкин почти бросил все занятия свои, ища прохлады в садах Тригорского...» После долгих уговоров и ожиданий приехал, наконец, А. Н. Вульф, а с ним товарищ его по университету, поэт Н. М. Языков. Пушкин до того знал Языкова лишь по его стихам, которые ценил очень высоко. Уже при первой встрече с Вульфом осенью 1824 г. он просил его уговорить Языкова приехать в Тригорское. Тогда же через Вульфа отправил ему своё знаменитое послание:

Издревле сладостный союз
Поэтов меж собой связует:
Они жрецы единых муз,
Единый пламень их волнует;
Друг другу чужды по судьбе,
Они родня по вдохновенью,
Клянусь Овидиевой тенью:
Языков, близок я тебе...
Я жду тебя. Тебя со мною
Обнимет в сельском шалаше
Мой брат по крови, по душе,
Шалун, замеченный тобою;
И муз возвышенный пророк,
Наш Дельвиг всё для нас оставит,
И наша троица прославит
Изгнанья тёмный уголок.
Надзор обманем караульный,
Восхвалим вольности дары
И нашей юности разгульной
Пробудим шумные пирсы.
Вниманье дружное преклоним
Ко звону рюмок и стихов,
И скучу зимних вечеров
Вином и песнями проголим.

И вот, почти через два года, Языков, наконец, приехал. Только теперь состоялось его знакомство с Пушкиным, нешедшее скоро в тесную дружбу. О днях, проведённых вместе в Тригорском в это лето, и Языков, и Пушкин отзывались впоследствии, как о «золотых днях» своей жизни. Приезд Языкова внёс много оживления в жизнь михайловского изгнанника и его друзей, и это лето превратилось для них, по выражению П. В. Анненкова, «в непрерывный ряд праздников, гуляний, шумных бесед, поэтических и дружеских излияний...» — там, в доме над прудом, и здесь, в этой маленькой баньке над обрывом.

Что восхитительнее, краше
Свободных, дружеских бесед,
Когда за пенистою чашей
С поэтом говорит поэт?..
Певец Руслана и Людмилы!
Была счастливая пора.
Когда так веселы, так милы
Неслися наши вечера.
Там на горе, под мирным кровом
Старейшин сада вековых,
На дёрне свежем и шелковом,
В виду окрестностей живых...

(Н. М. Языков, «Тригорское»)

Здесь звучали не только бокалы, но и тосты за вольность, за счастье народа. Вероятно, звучала и написанная здесь в

апреле 1825 г. «Вакхическая песня», этот гимн жизни, солнцу, разуму.

..Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!

Тригорское дало Языкову, как и Пушкину, богатейшую лищу для вдохновения; он оставил несколько лирических стихотворений, рисующих с большим мастерством знакомую природу и события, связанные с его пребыванием здесь. Таковы «Тригорское», «П. А. Осиповой», «А. С. Пушкину» и др. До конца дней своих вспоминал он

Верхи и скаты ваших гор
И тёмный сад, и дом, и волны...
И ту площадку, где в тиши
Нас нежила, нас веселила
Вина чарующая сила —
Оселок сердца и души;
И всё божественное лето,
Которое из рода в род,
Как драгоценность, перейдёт,
Зане Языковым Боснето.

Вспоминал их и Пушкин. 14 апреля 1836 года, в последнее своё посещение родных мест, Пушкин писал Языкову из Тригорского: «Отгадайте откуда пишу к вам, мой любезный Николай Михайлович. Из той страны, — где вольные живали etc. где ровно тому десять лет пировали мы втроём — Вы, Вульф и я, где звучали наши стихи и бокалы... где теперь вспоминаем мы вас и старину. Поклон Вам от холмов Михайловского, от сеней Тригорского, от волн голубой Сороти, от Евпраксии Николаевны...».

В глубине парка — большая прямоугольная площадка, обсаженная громадными липами, — парковый зал, в котором играли дети, веселилась и танцевала молодёжь под звуки шарманки или бродячего оркестра. Сколько раз в этих беспечных забавах принимал участие Пушкин. Как живо на этом фоне представляются нам отдельные картины «Онегина», в особенности образ весёлой и беззаботной Ольги.

По узкой лиевой аллее огибаем «зал» и, минуя ручей, спускаемся ко второму нижнему пруду, затем поднимаемся вверх и мимо третьего большого пруда попадаем в главную, самую широкую

аллею, пересекающую всю эту часть парка. Она лишена строгости больших аллей Михайловского и Петровского. В основном она состоит из лип, но нередко попадаются и клёны, берёзы, ели, дубы. Деревья почти все — времён поэта. Некоторые своими необычайными размерами привлекают особое внимание и превращаются в своего рода «сюрпризы».

Такова гигантская ель-шатёр. Ей около двухсот лет. Огромный ствол уходит в самое небо. Он строго ровен. На почти пропорциональных расстояниях свисают огромные ветви, превращающиеся на концах в тяжёлые мощные лапы. Чтобы, стоя вблизи, видеть вершину, надо совсем запрокинуть голову. Дерево было большим и старым, когда Пушкин впервые увидел его. Говорят, что это одно из любимых деревьев поэта. Молодёжь Тригорского собиралась, играла, отдыхала под этой елью.

Такой же «сюрприз» и солнечные часы, расположенные влево от аллеи. Это — круглая зелёная лужайка, обсаженная дубами. Их было всего двенадцать, теперь несколько меньше. Дубы могучие, старые. По преданию, это также было одним из любимых мест тригорской молодёжи.

Особенно любили в Тригорском огромный много вековый ветвистый дуб, гордо возвышающийся на насыпной горке. Дуб сохранился во всей своей красоте и царственном величии. Фашистские варвары вырыли у самых корней дуба свои укрепления. Пули и осколки снарядов поранили дерево, но не сломали его. Глядя на этот дуб, невольно вспоминаешь строки из позднейшего уже стихотворения Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...»:

Гляжу на дуб уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов
Переживёт мой век забвенный,
Как пережил он век отцов.

Здесь парк кончается. Дальше тянулся сосновый лес, который отделяла от парка сплошная стена лип, сохранившаяся до наших дней.

Вдоль неё идёт узкая заросшая тенистая аллея. Как открытый весёлый «танцевальный зал» вызывал в нашем представлении образ Ольги, так эта глухая аллея вызывает образ Татьяны. Героиня пушкинского романа становится здесь ближе, понятнее нам, со всеми её мыслями, чувствами и переживаниями.

Татьяна смотрит и не видит,
Волненье света ненавидит;
Ей душно здесь... Она мечтой
Стремится к жизни и полевой,
В деревню, к бедным поселянам,
В уединённый уголок,
Где льётся светлый ручеёк,
К своим цветам, к своим романам,
И в сумрак лиловых аллей.
Туда, где он являлся ей... (гл. VII, строфа 53)
— А мне, Онегин, пышность эта,
Постылой жизни мишура,
Мои успехи в вихре света,
Мой модный дом и вечера,
Что в них? Сейчас отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этот блеск, и шум, и чад
За полку книг, за дикий сад,
За наше бедное жилище,
За те места, где в первый раз,
Онегин, видела я вас,
Да за смиренное кладбище,
Где нынче крест и тень ветвей
Над бедной иянею моей... (гл. VIII, строфа 46)

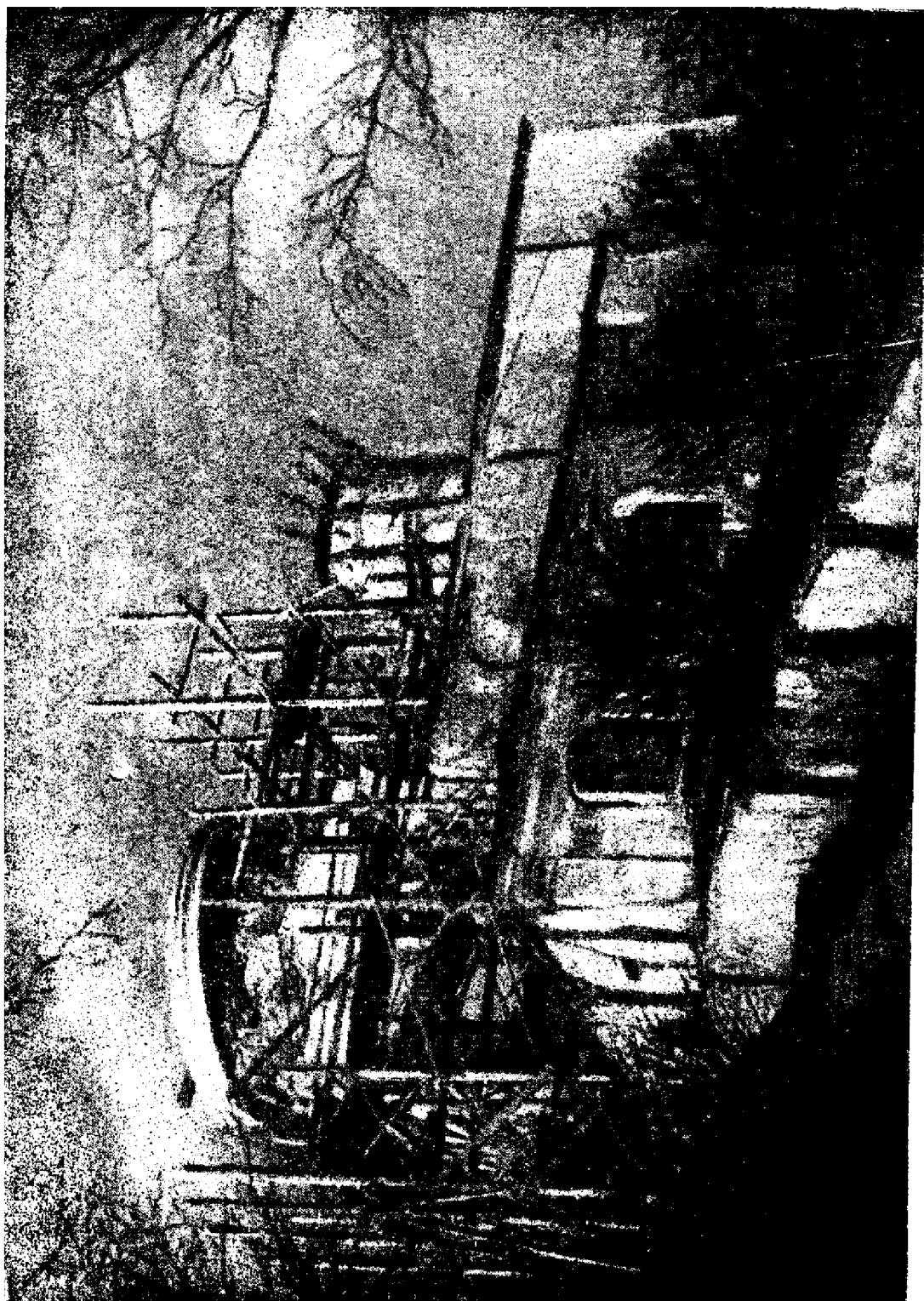
Здесь с особенной силой ощущается глубокая внутренняя связь любимой пушкинской героини с простонародной жизнью русской деревни, русской природой, определяющая лучшие черты характера этой замечательной русской женщины.

О любви к Тригорскому, огромном значении его в своей жизни и в своём творчестве Пушкин неоднократно говорил и в эти годы, и много позже, в письмах и стихах. Накануне освобождения из ссылки, 25 июля 1826 г., поэт записал в альбом П. А. Осиповой:

Быть может, уж недолго мне
В изгнанье мирном оставаться,
Вздыхать о милой старине
И сельской музее в тишине
Душой беспечной предаваться,
Но и вдали, в краю чужом,
Я буду мыслию всегдашней
Бродить Тригорского кругом,
В лугах, у речки, над холмом,
В саду под сенью лип домашней...

А через четыре года, заканчивая роман, большая часть которого была написана вблизи Тригорского, он вспоминал о нём в «Путешествии Онегина»:

О, где б судьба ни назначала
Мне безымянный уголок,

Собор Святогорского монастыря, разрушенный немецко-фашистскими
захватчиками, восстанавливается.

Фото Ф. И. Овсянникова. 1946

Святогорский монастырь и могила Пушкина.

Литография по рисунку землемера Иванова. 1837 г.

Где б ни был я, куда б ни мчала
Она смиренный мой челнок;
Где поздний мир мне б ни сулила,
Где б ни ждала меня могила,
Везде, везде в душе моей
Благословлю моих друзей.
Нет, нет! нигде не позабуду
Их милых, ласковых речей, —
Вдали, один, среди людей,
Вообразить я вечно буду
Вас, тени прибережных ив,
Вас, мир и сон тригорских ив.
И берег Сороти отлогий,
И полосатые холмы,
И в роще скрытые дороги,
И дом, где пировали мы,
Приют, сияньем муз одетый,
Младым Языковым воспетый...
Но там и я свой след оставил,
Там ветру в дар на тёмну ель
Повесил звонкую свирель.

На соседнем холме, Городище, со стороны реки — семейное кладбище Осиповых-Вульфов. Простые белые мраморные плиты говорят о том, что здесь похоронены: П. А. Осипова, скончавшаяся 8 апреля 1859 г. и муж её И. С. Осипов, скончавшийся 5 февраля 1824 г.; памятник рядом с ними, неопределенной формы кусок гранича с белым мраморным крестом, стоит на могиле А. Н. Вульфа (ск. 17 апреля 1881 г.) и деда его А. М. Вындомского (ск. 12 февраля 1813 г.). Плиты положены не раньше 1859 г., памятник поставлен, очевидно, в середине 1880-х годов. Плита на могиле П. А. Осиповой сильно повреждена немецким снарядом. Кругом вековые дубы и сосны, густые заросли шиповника. С обрыва открывается великолепный вид на Сороть.

В 20-х годах прошлого века здесь было уже родовое кладбище, с каменной оградой и небольшой деревянной церковью в центре (сгорела в 1913 г.). Могилы (особенно могила Осипова, совсем ёщё свежая) тщательно поддерживались и регулярно посещались. Бывал здесь, конечно, и Пушкин. Этот уголок, как всё в Тригорском, был для него источником вдохновенья. Невольно вспоминается здесь описание могилы Ленского в VII главе «Евгения Онегина».

Меж гор, лежащих полукругом,
Пойдём туда, где ручеёк,
Виясь бежит зелёным лугом
К реке сквозь лиловый лесок;

Там соловей, весны любовник,
Всю ночь поёт; цветёт щиповник,
И слышен говор ключевой —
Там виден камень гробовой
В тени двух сосен устарелых.

Несколько дальше, на третьем холме, на краю деревни Воронич, стояла небольшая деревянная церковь, обычной архитектуры, построенная ещё в 1789 г. Церковь эту сожгли в 1944 г. немецкие оккупанты. Частично сохранилось старое церковное кладбище. В центре его — могила В. П. Ганибала. Надпись на желтевшей и потрескавшейся плите гласит: «Здесь покоится прах помещика села Петровского, чиновника 14 класса Вениамина Петровича Ганибала, скончавшегося в 1839 г. декабря 23 дня на 65 году своей жизни». Рядом — могила священника Вороннической церкви Иллариона Евдокимовича Раевского, прозванного «Шкодой». Прозвище это происходит от глагола «шкодить» и связано с характером попа. Он любил выпить, был весельчак, балагур, острослов. «Хотя он был совсем простой человек, но ум имел сметливый и крестьянскую жизнь и всякие крестьянские пословицы и приговорки весьма примечательно знал». С этим оригинальным попом Пушкин поддерживал самые дружеские отношения, часто бывал у него и принимал у себя. 7 апреля 1825 г. в этой Вороннической церкви по заказу Пушкина И. Е. Раевский служил обедню по Байрону. «Нынче день смерти Байрона. Я заказал с вечера обедню за упокой его души. Мой поп удивился моей набожности и вручил мне просвиру, вынутую за упокой раба божия боярина Георгия. Отсылаю её к тебе...» — писал Пушкин П. А. Вяземскому.

Пушкин принёс дань уважения великому поэту-романтику, отдавшему свою жизнь борьбе за освобождение Греции.

V. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ В ОКРЕСТНОСТЯХ МИХАЙЛОВСКОГО И ТРИГОРСКОГО

Окрестности Михайловского и Тригорского богаты памятниками далёкого исторического прошлого русской земли. Памятники эти постоянно привлекали внимание Пушкина, живо интересовали и волновали его. С ними связан целый ряд эпизодов жизни поэта и его работа над народной исторической трагедией «Борис Годунов».

В первоначальном заглавии трагедии, стилизованном под заголовки древнерусских летописей, читаем: «Комедия о настоящей беде Московскому Государству, о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве — летопись о многих мятежах и пр. писано бысть Алексашкою Пушкиным в лето 7333 (1825) на городище Ворониче». В последующих вариантах текст заглавия подвергается изменениям, но «на городище Ворониче» остаётся. Не следует понимать слова Пушкина буквально. Трагедию свою он писал в Михайловском, но упоминание «на городище Ворониче» не случайно. Воронич поэт воспринимал именно как исторический памятник и связывал с ним своё восприятие исторического прошлого.

Городище Воронич (средний из трёх холмов Тригорского) — остаток могущественной крепости, стоявшей здесь несколько веков назад, одного из форпостов Пскова на литовской границе. Для обороны своей земли от постоянных нападений Литвы, Польши, ливонских рыцарей, псковичи строили пригороды, различного рода укрепления. «...По находящимся в пограничии к Литве в Российской стороне и несколько в окружности города Опочки, во многих особливо же в пустых неплодных и гористых местах скопанным курганам, а в некоторых стоят насыпные валы наподобие укрепления, что оные были тогда ко убежищу служащие поселянам, подверженным опасности не только разорения, но и лишения самой жизни.» (Из трудов провинциального секретаря Леонтия Травина, 1798 г.).

Вороническая крепость, как обычно, стояла при слиянии двух рек: Сороти и несуществующей ныне реки Воронец. В этом месте берег гористый. Естественную гору сделали выше. Ложбины, по которым сейчас вются дороги, надо думать; — искусственно вырытые рвы и русло высохшей реки. Насыпной вал окружала земляная траншея (часть её сохранилась) и деревянные стены с бойницами и башнями. В укрепление, «верхний город», жители собирались лишь во время военной опасности. В мирное время они жили в посаде близ крепости, «нижнем городе», который также был обнесён деревянной стеной и окружён рвом. Нижний город Воронич был велик. В начале XVI в. он насчитывал 371 двор (в два раза больше Опочки), объединял восемь губ, среди которых числилась и Михайловская. Как мы говорили, до середины XIX в. здесь проходил путь из Польши и Литвы на Москву, и места эти сохраняли значение приграничной полосы. В первой четверти XVI столетия (1517—

1526 гг.) «посол в Московию» римского императора Максимилиана Сигизмунд Герберштейн ехал в Москву из Кракова через Полоцк, Опочку, Воронич... В своих «Записках о Московии» он пишет: «Затем мы прибыли в Воронич (8 миль), город, стоящий на реке Сороти, которая, приняв в себя реку Воронец, впадает в Великую реку немного ниже города».

Воронич в 1349 г. уже упоминается в Псковской летописи как центр волости; затем, как сильный псковский форпост, встречается всё чаще и чаще. В 1521 г. Воронич был сборным пунктом русских войск во время войны с немцами. Во время нашествия на Псков в 1581 г. через Воронич проезжал Стефан Баторий. Он взял крепость и назначил своего начальника. Через Воронич проходил Дмитрий Самозванец со своими войсками. И позже Воронич постоянно подвергался нападениям иноземных захватчиков. Во время нападения в 1634 г. литовцы сожгли Воронич — крепость и пригород. «А Литва в то время Воронич выжгли...» — говорил летописец. Восстановить сожжённое не удалось. В крепости не было нужды, так как Литва была побеждена, экономического значения Воронич никогда не имел. В 1708 г. он был обращён в пригород, а с течением времени превратился в ту деревушку, которую мы видим теперь. Летопись рассказывает о том, что царь Иван Грозный с братом своим князем Георгием, будучи в 1547 г. в Новгороде, заезжал в Псков и Воронич.

Трудно сказать, знал ли Пушкин историю этих мест во всех подробностях, но то, что он был знаком с нею, не подлежит сомнению. Отдельные факты её излагает Карамзин в своей «Истории Государства Российского». Она изложена в летописях, которые, как известно, изучал поэт. Наконец, Пушкин слышал многочисленные исторические легенды, которые жили среди местного населения. Естественно, история этих мест занимала его, поэта и историка, и многое ему говорила.

Знаменательны строки стихотворения Н. М. Языкова, восхищавшие Пушкина. Мысли, настроения их в равной степени были близки обоим поэтам.

В стране, где вольные живали
Сыны воинственных славян,
Где сладким именем граждан
Они друг друга называли;
Куда великая Ганза
Добро возила издалеча;

Пока московская гроза
Не пересиливала веча;
В стране, которую война
Кровопролитно пустошила,
Когда ливонски знамена
Душа геройская водила;
Где побеждающий Стефан
В один могущественный стан
Уже сдвигал толпы густые,
Да уничтожит псковитян,
Да иницировергнется Россия!...
В стране, где славной старины
Не все следы истреблены,
Где сердцу русскому доныне
Красноречиво говорят:
То стен полуразбитых ряд
И вал на каменной вершине,
То одинокий древний храм
Среди бесплодной поляны,
То благородные курганы
По зеленеющим брегам.

Там, у раздолья, горделиво
Гора трёхолмная стоит...

(Н. М. Языков, «Тригорское»)

Вороницкий вал — один из «священных памятников» псковской старины, которые называет Языков. Дошли до наших дней и «благородные курганы», и «древний храм».

На то, что само место в его историческом значении может быть источником вдохновения для поэта, указывал К. Ф. Рылеев. 5—7 января 1824 г. он писал Пушкину в Михайловское: «Ты около Пскова: там задушены последние вспышки русской свободы; настоящий край вдохновения — и неужели Пушкин оставит эту землю без поэмы». Такой поэмы о Пскове, какой ждал от него Рылеев, Пушкин не написал и написать не мог. Но здесь была задумана и написана трагедия «Борис Годунов» — крупнейшее историческое произведение Пушкина и «лучшая наша историческая драма».

Сюжет для своей исторической трагедии Пушкин нашёл в X—XI томах «Истории Государства Российского» Карамзина, вышедших в 1824 г. Его привлекала эпоха «многих мятежей», образы Годунова и Самозванца. Это был сюжет, достойный трагедии, русский исторический сюжет, и притом дающий возможность обрисовки политической борьбы на фоне народного движения, определённой политической окраски и актуальных параллелей. В то же время,

избранный сюжет соответствовал давнему стремлению поэта к обновлению трагедии в реалистическом шекспировском духе. Заимствуя сюжет из «Истории» Карамзина, следя за ним в фактическом изложении политических событий, даже там, где Карамзин ошибался, Пушкин остаётся совершенно самостоятельным в идейной концепции и политическом осмыслинии изображаемых событий. Сам Пушкин смотрел на «Бориса Годунова», как на трагедию политическую. Как ни рвался поэт из ссылки, он не связывал с «Борисом Годуновым» никаких расчётов на освобождение, на примирение с царём. В ответ на письмо Вяземского он пишет ему в ноябре 1825 г.: «Жуковский говорит, что царь меня простит за трагедию, навряд, мой милый. Хоть она и в хорошем духе писана, но никак не мог упрятать всех моих ушей под колпак юродивого. Торчат!». Известно, какие продолжительные цензурные гонения вызвали эти «уши». Только 28 апреля 1830 г. Пушкин получил разрешение напечатать трагедию «под его личной ответственностью». О постановке её на сцене не могло быть и речи. Особенно важно то, что в «Борисе Годунове» политический смысл перестаёт быть внешним агитационным привеском к романтической музее Пушкина, а раскрывается в самом ходе изображаемых событий, в самом развитии изображаемых характеров. Трагедия «Борис Годунов» не в меньшей степени, чем михайловские главы романа «Евгений Онегин», знаменует новый этап в творческом развитии Пушкина — сознательный переход его на позиции реализма. В своём стремлении к обновлению русской трагедии и драмы вообще, Пушкин следует «объективному и разностороннему Шекспиру», «у которого нашёл близкую себе свободную архитектонику драмы, допускающую смешение жанров, упор на реализм изображения и языка, наконец, метод обращения с историческим материалом» (Д. П. Якубович). Произведениями Шекспира Пушкин увлекается как раз в это время в Михайловском. Перечисляя источники своей трагедии, сам поэт говорил: «Изучение Шекспира, Карамзина и старых наших летописей дало мне мысль облечь в драматические формы одну из самых драматических эпох новейшей истории. Не смущаемый никакими иными влияниями. Шекспиру я подражал в его вольном и широком изображении характеров, в небрежном и простом составлении типов. Карамзину следовал я в светлом развитии происшествий, в летописях старался угадать образ мыслей и язык

тогдашнего времени». В другом месте: «Твёрдо уверенный, что устарелые формы нашего театра требуют преобразования, я расположил свою трагедию по системе отца нашего Шекспира». На драмах Шекспира Пушкин проверял своё понимание народности, неразрывно связанной для него с жизненностью и правдивостью. Народно-исторический сюжет, изображение народа, как действующего лица, «низкий» народный слог определяют народный шекспировский тип «Бориса Годунова». «Я твёрдо уверен, — писал Пушкин, — что нашему театру приличны народные законы драмы шекспировой, а не придворный обычай трагедий Расина...» «Драма родилась на площади и составляла увеселение народное...»

Над «Борисом Годуновым» Пушкин работал почти весь 1825 год параллельно с IV главой «Онегина». Работа над трагедией захватила поэта. Он видит в ней «литературный подвиг», и в письме Н. Н. Раевскому в июле 1825 г. пишет: «У меня буквально нет другого общества, кроме моей старой няни и моей трагедии; последняя подвигается вперёд и я доволен этим... Я чувствую, что мои духовные силы достигли полной зрелости, я могу творить». Поэт был очень доволен своим созданием. «Писанная мною в строгом уединении, вдали охлаждающего света, плод добросовестных изучений, постоянного труда, трагедия сия доставила мне всё, чем писателю насладиться дозволено: живое вдохновенное занятие, внутреннее убеждение, что мною употреблены были все усилия, наконец, одобрение малого числа избранных» (черновые заметки к «Борису Годунову», 1829 г.). На протяжении всей жизни «Борис Годунов» для Пушкина — «любимое моё сочинение», «то из моих произведений, которое я люблю больше всего».

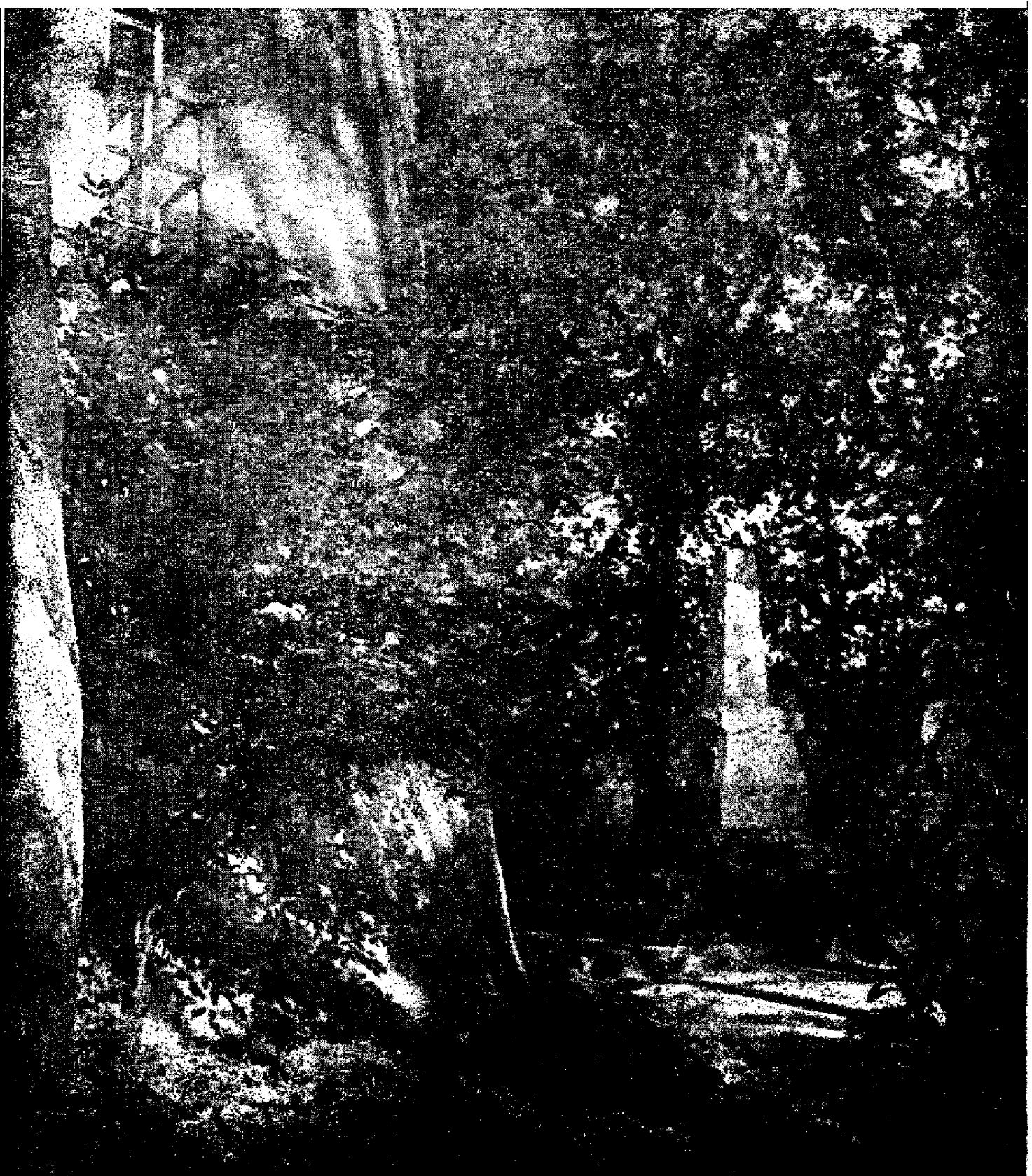
«Дух времени», который стремился уловить Пушкин в «Истории» Карамзина, в летописях, он искал и находил и в окружавших его памятниках той эпохи, к которой были устремлены все его интересы. И сейчас, бродя по этим местам, вспоминая историю их, мы лучше ощущаем отдалённую эпоху «многихмятежей», а вместе с тем ярче, конкретнее представляем себе образы и картины пушкинской трагедии. Вороницкий вал, вероятно, был любимым местом поэта и как один из живописнейших уголков.

Пушкин постоянно видел Воронич, направляясь из Михайловского в Тригорское и обратно. Он рассказывал, что «...раз, возвращаясь из соседней деревни верхом, обду-

мал всю превосходную сцену свидания Дмитрия с Мариной в «Годунове». Какое-то обстоятельство помешало ему положить её на бумагу тотчас же по приезде, а когда он принялся за неё через две недели, многие черты прежней сцены изгладились из памяти его. Он говорил потом друзьям своим, восхищавшимся этой встречей страстного самозванца с хитрой и гордой Мариной, что первоначальная сцена, совершенно оконченная в уме его, была несравненно выше, несравненно превосходнее той, какую он написал» (П. В. Анненков).

Несколько выше по Сороти, на самом берегу, расположен другой исторический памятник — Савкина горка. Это также остаток насыпного укрепления. Крутизна и удивительная правильность скатов этого большого яркозелёного холма свидетельствуют об искусственном его происхождении. Узкая, винтом идущая вокруг вала старая дорога, типичная для подобных укреплений, какую можно наблюдать и в Ворониче, ведёт на вершину. Вид отсюда на Сороть, бесконечные просторы лугов и нив за нею необыкновенно красив. Надо полагать, что Савкина горка составляла часть, может быть самостоятельный форпост, Вороничского укрепления, и происхождение её современно Вороническому валу. Историк этих мест Л. И. Софийский считает, что «нет ничего удивительного в том, что Савкина горка в старину принадлежала Вороничу и что там был насыпан земляной вал и, возможно, что там был монастырь». До недавнего времени на «горке» стояла полуразвалившаяся, очень старая деревянная часовня. До сих пор наверху сохранилась древняя намогильная плита. Это, очевидно, основание каменного креста. Плите около 435 лет. Об этом говорит надпись на славянском языке: «Лета 7021 поставил крест Сава поп». Отсюда название — «Савкина горка». 7021 год по нашему летоисчислению — 1513 г. Крест, очевидно, был поставлен на братской могиле русских воинов, погибших здесь в сражениях с иноземными захватчиками.

Как и Воронический вал, Савкина горка была одним из любимых мест Пушкина. Она могла привлекать его своей уединённостью, красотой пейзажа и обаянием древности. О любви к Савкиной горке, как месту творческого вдохновения, говорит известное нам намерение Пушкина в 1831 г., приобрести её и расположенное здесь маленькое именьице помещицы Лисиной. По этому поводу он писал П. А. Осипо-

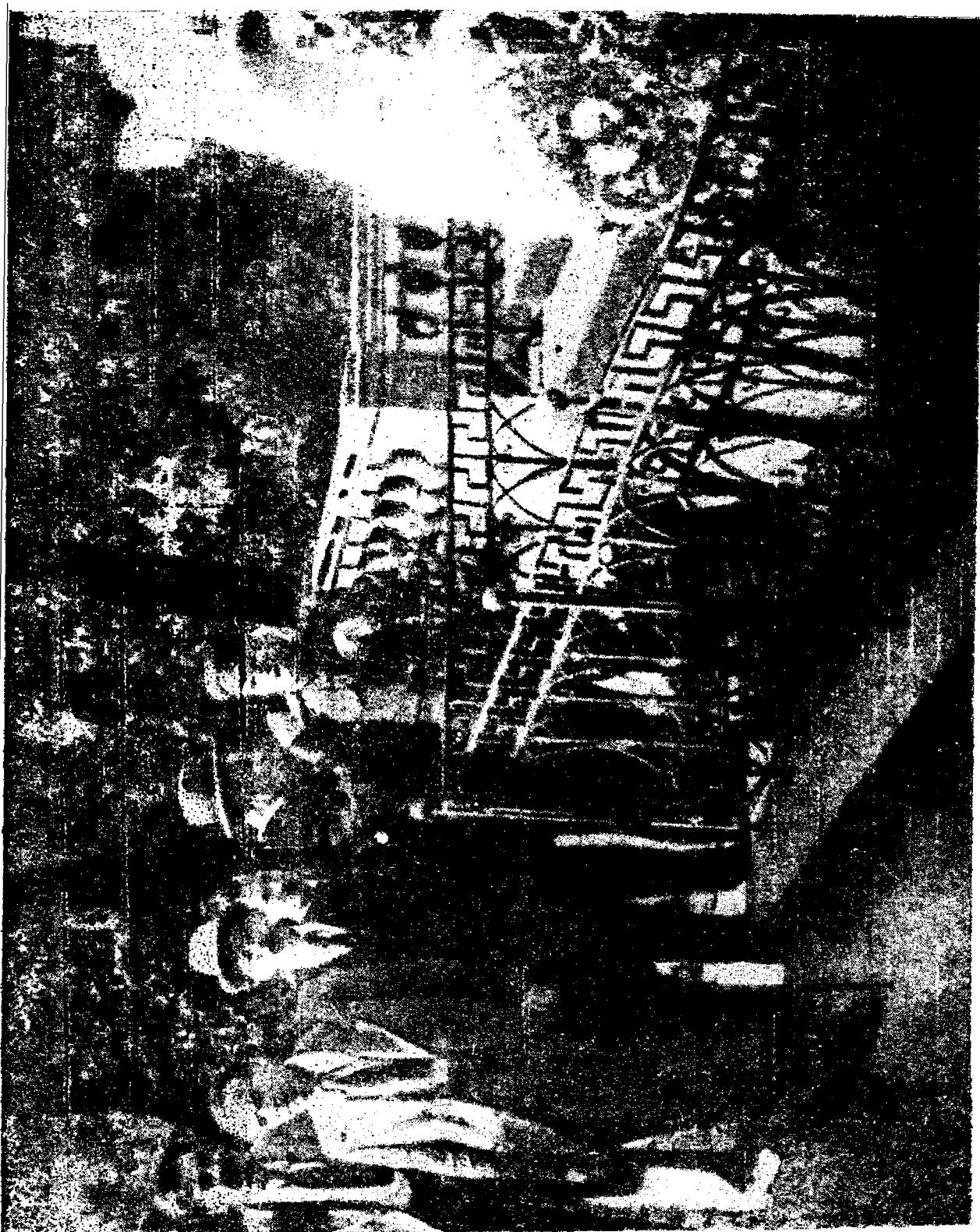

Могила Пушкина.

Фото М. Н. Муравейского.

Члены Государственной Чрезвычайной комиссии на могиле Пушкина.

Фото №364 Р. интъюн

вой: «...если бы я не боялся быть нескромным, то попросил бы вас, как добрую соседку и дорогого друга, уведомить меня, не мог ли бы я приобрести Савкину горку и на каких условиях. Я бы выстроил себе там хижину, поместил бы в ней свои книги и приезжал бы проводить несколько месяцев в году вблизи моих добрых и старых друзей. Что вы скажете, сударыня, о моих воздушных замках или моей хижине в Савкине. Меня эта мысль восхищает и я постоянно к ней возвращаюсь». Однако осуществить эту мысль Пушкину так и не удалось.

Быть может здесь, на этом древнем городище, у бывшей литовской границы, откуда тянулись дороги на Литву и Польшу, зрел замысел одной из замечательнейших сцен «Бориса Годунова» — сцены в корчме на литовской границе.

Несколько дальше от Михайловского, чем Воронич и Савкина горка, расположен третий исторический памятник — б. Святогорский монастырь. К монастырю ведёт песчаная живописная дорога. Пересекая Михайловский бор, дорога эта сразу за деревней Бугрово сливается с большой просёлочной дорогой из Тригорского, и сосновым пролеском через целую цепь высоких холмов приводит к восточным воротам монастыря. Ворота эти выходят на большую дорогу, идущую от с. Новгородка (на шоссе Псков—Остров—Опочка) до б. уездного городка Новоржева (ныне районный центр), по которой не раз приходилось ездить Пушкину.

Вокруг всего монастыря идёт ограда из больших кусков дикого камня, протяжением около 700 метров. Ограда эта установлена в 1772 году и сильно разрушена. Немецкие оккупанты разбили её для своих преступных целей. Они разрушили и сожгли двухэтажный каменный дом настоятеля, построенный в 1911 г. на месте прежнего деревянного дома, в котором бывал Пушкин. Разрушили, сожгли они и все остальные монастырские постройки — нижнюю Никольскую церковь, кельи монахов и пр.

Самая старая часть монастыря — собор. Он стоит на вершине холма, господствующего над всей местностью. Сквозь деревья, растущие по склону, издалека белеют его стены. К нему ведёт каменная лестница. Старейшая часть собора — середина, с главными входными воротами в центре. Необычная толщина стен, своды узких окон и входов с полуразвалившимися каменными лесенками, скромный геометрический орнамент. Глубокой древностью веет от этих холодных камен-

ных стен, сводов, если открыть тяжёлые кованые ворота и войти внутрь. Легко рождает здесь воображение образы давнего прошлого. Эта часть собора стоит около 400 лет. Монастырь был построен в 1569 г. (основан в 1561 г. по приказу Ивана Грозного). Приказ о постройке здесь монастыря был вызван соображениями политическими и военными. В 1770-х годах к центральной части собора были пристроены «приделы» с южной и северной сторон. Ещё позже была построена колокольня с высоким острым шпилем (начата в конце XVIII в., закончена в 1821 г.). Гитлеровцы взорвали колокольню собора, фугасной бомбой разрушили купол и перекрытия приделов, во многих местах повредили древнюю кладку стен. Огромные фугасы были заложены под самые своды древнего храма. Только стремительное продвижение частей Красной Армии спасло его от полного уничтожения. В настоящее время собор, как и весь монастырь, капитально реставрируется и приводится в тот вид, какой он имел при Пушкине.

Пушкин интересовался историей Святогорского монастыря, посещал его, наблюдал жизнь монахов. Бывали святогорские монахи и у Пушкина в Михайловском во время обхода окрестных имений за пожертвованиями. Часто заглядывал в Михайловское настоятель монастыря о. Иона, которому был поручен духовный надзор за ссыльным поэтом. Об одном таком визите святогорского настоятеля рассказывает в своих воспоминаниях И. И. Пущин.

Наблюдения над бытом и отдельными типичными образами монахов в Святогорском монастыре, рассказы о монашеской жизни прошлого, которые Пушкин там слышал, не могли не отразиться на изображении беглых монахов Варлаама и Мисаила в его трагедии. Поэт не срисовал эти образы с отдельных святогорских монахов; имена своих героев он нашёл у Карамзина. Однако в некоторых случаях можно говорить даже о прямом влиянии святогорских наблюдений на трагедию. Так, известно, что для прибауточной речи Варлаама Пушкин воспользовался присловием, которое слышал от любившего выпить игумена Ионы:

Наш Фома
Пьёт до дна.
Выпьет да повернит,
Да в донышко поколотит.

Варлаам говорит: «пьём до донышка, выпьем, повернит и в донышко поколотим». Среди черновиков «Повестей Бел-

кина» есть запись: «А вот то будет, что ничего не будет. Пословица святогорского игумена». Большое значение мог иметь для работы поэта над образами монахов воронический поп «Шкода».

Можно предположить, что знакомство Пушкина с древней традицией Святогорского монастыря, с его историей способствовало созданию образа Пимена, сцены в келье, изумлявшей современников «исторической точностью» отношений, понятий, слов, мельчайших черт. Быть может, для самого поэта образ старика-летописца получал особенную ощущимость на фоне столь замечательного памятника той эпохи, как приобретает он особую ощущимость на этом фоне теперь для нас.

Несколько раз в году в монастыре устраивались ярмарки. Особенно многолюдной бывала традиционная ярмарка летом, «в девятую пятницу после пасхи». На неё съезжалась масса народа — окрестные помещики, купцы, мещане, крестьяне. Лари, которых бывало до полутораста, устанавливались на монастырском дворе и вдоль новоржевской дороги у восточной стороны ограды.

Пушкин особенно охотно посещал монастырские ярмарки. Здесь он общался с народом, с тем народом, к которому направлены все его интересы и которому он уделяет столько внимания в своей трагедии, впервые в истории русской драматургии отведя ему место самостоятельного (и притом одного из главных) действующего лица. Поэт жадно всматривается в пёструю толпу, вслушивается в простонародную речь, не упуская ничего яркого и занимательного. Сохранилось несколько рассказов о посещении Пушкиным ярмарок. «На ярмарке в Святых горах, — рассказывает современник, — поэт любил разгуливать среди народа и останавливалась у групп, где нищие заунывно тянули «Лазаря», или где парни и девушки водили хоровод, плясали, или где крестьяне перебранивались и спорили. Поэт простоявал с народом подолгу...» Кучер Пушкина Пётр рассказывал, что поэт ходил на ярмарку... «как есть бывало, как дома: рубаха красная, не брит, не стрижен. Чудно так. Палка железная в руках. Придёт в народ, тут гуляние, а он сядет на земль, соберёт к себе нищих, слепцов, они ему песни поют, стихи сказывают». Современников поражает костюм Пушкина. Поражает их и то, что поэт в кругу нищих у монастырских ворот слушает стихи и песни о Лазаре. Нам это не покажется столь удивительным, если вспомним,

что речь идёт о лете 1825 г., т. е. о времени, когда работа над «Борисом Годуновым» была в самом разгаре, и Пушкин, между прочим, серьёзно был занят образом юродивого Николки, в уста которого он вкладывает приговор народа над царём: «Нельзя молиться за царя Ирода». Пушкин не может найти удовлетворяющие его литературные источники для этого образа. Впечатления, которые поэт получал на святогорской ярмарке, присматриваясь к многочисленным нищим — слепцам, юродивым и прислушиваясь к их песням, могли ему быть чрезвычайно полезны.

Язык «Бориса Годунова» — «неподражаемый, поэтический, верный», замечательное пушкинское «просторечие» — в большой степени результат изучения живой народной речи.

Пушкин создал первую русскую народную историческую трагедию — произведение, знаменующее новый этап зрелого реалистического творчества для него самого и новый этап для русской литературы в целом. Святогорский монастырь с его ярмарками, как и другие исторические памятники в окрестностях Михайловского и Тригорского, занимает не последнее место в истории создания великой трагедии.

VI. МОГИЛА ПУШКИНА

У восточной, алтарной стены древнего собора Святогорского монастыря, почти у самого края холма — могила Пушкина.

К могиле ведёт старая каменная лестница. Небольшая площадка обнесена мраморной балюстрадой. В центре площадки — скромный памятник, поставленный в 1841 году. Тонкий обелиск белого мрамора стоит на мраморном же своде, под которым изваяна урна, прикрытая покрывалом. Свод покоится на массивном чёрном цоколе. На нём лаконичная надпись: «Александр Сергеевич Пушкин родился в Москве, 26-го мая 1799 года, скончался в С.-Петербурге 29-го января 1837 года». Недалеко от памятника две намогильные плиты — деда и бабки поэта. На них ещё можно различить старые надписи: «Здесь погребено тело Иосифа Абрамовича Ганибала, род. 1744 г. Июня 20 дня. Скон. 1806 г. Октября 12 дня» и «Здесь погребено тело Марии Алексеевны Ганибала, урождённой Пушкиной, род. 1745 г. Января 20 дня; скон. 1818 г. Июня 27 дня». Здесь же могила Надежды Осиповны Пушкиной (род. 21 июня 1775, ум. 29 марта 1836) рядом с могилой сына, под

одним памятником с ним. По склону холма разрослись могучие деревья, осеняя могилу поэта.

Могила сохранилась до наших дней такою, какой она была век назад. Немцы пытались взорвать её, но совершив это чудовищное преступление им не удалось.

Такое деревенское родовое кладбище изображает поэт с любовью в элегии «Когда за городом задумчив я брожу...»

...Но как же любо мне
Осеннюю порой, в вечерней гишине,
В деревне посещать кладбище родовое,
Где дремлют мёртвые в торжественном покое.
Там не украшенным могилам есть простор;
К ним ночью тёмною не лезет бледный вор;
Близ камней вековых, покрытых жёлтым мохом.
Проходит селянин с молитвой и со вздохом:
На место праздных урн и мелких пирамид,
Безносых гениев, растрёпанных харит
Стоит широко дуб над важными гробами.
Волнуясь и шумя.

В апреле 1836 года Пушкин привёз сюда хоронить свою мать. Тогда же, рядом с её могилой, он купил место для себя.

Хотя бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне всё б хотелось почивать.

Меньше чем через год на этом месте его похоронили.

Преследуемый царём и жандармами, затравленный «светской чернью», Пушкин был смертельно ранен на дуэли с гвардейским офицером, приемным сыном голландского посланника в Петербурге Дантесям-Геккероном. «В лице Дантеса он искал или смерти, или расправы с целым светским обществом» — сираведливо заметил современник.

После двух суток страшных мучений и упорной борьбы за жизнь 29 января (10 февраля) 1837 года Пушкин скончался в расцвете сил и великого своего дарования. Ему было 37 лет.

Не вынесла душа поэта
Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один, как прежде... и убит!..

Хоронить Пушкина в Петербурге жандармы не решились. Боялись народного возмущения, начавшего проявляться уже в дни болезни поэта. Вспомнили о желании его быть похороненным вблизи родного Михайловского и решили на этот раз выполнить его волю.

Правительству представился удобный случай хоронить поэта вне людного Петербурга. Увоз тела, по приказу самого Николая I, обставлялся всевозможными предосторожностями. Были сделаны специальные распоряжения III отделением гражданским и духовным властям. В отношении к псковскому губернатору управляющий III отделением Мордвинов, сообщая о провозе тела Пушкина, писал: «...Имею честь сообщить вашему превосходительству волю государя императора, чтобы вы воспретили всякое особенное изъявление, всякую встречу, одним словом, всякую церемонию». Таково же предписание псковского архиепископа настоятелю Святогорского монастыря.

Решено было отправить тело Пушкина в сопровождении жандармского офицера и друга покойного А. И. Тургенева, когда-то отвозившего Пушкина-мальчика в лицей. Тургенев 2 февраля записал в дневнике: «...назначен я, в качестве старого друга, отдать ему последний долг. Я решился принять ...граф Строганов представил мне жандарма.., куда еду — ещё не знаю». Последние слова особенно ярко показывают, какой тайной облекало правительство похороны Пушкина, опасаясь участия в них народных масс. Ночью тайно было совершено отпевание, и траурный поезд двинулся в путь. «3-го фев. в полночь мы отправились из Конюшенной церкви с телом Пушкина в путь, — пишет А. И. Тургенев, — я с почтальоном в кибитке позади тела, жандармский капитан впереди оного. Дядька покойного желал также проводить останки своего доброго барина к последнему его жилищу, куда недавно возил он же и тело его матери; он стал на дорогах, кои везли ящик с телом, и не покидал его до самой могилы». «Жена моя, — записал в своём дневнике профессор А. В. Никитинко, — возвращалась из Могилёва и на одной станции неподалёку от Петербурга увидела простую телегу, на телеге солому, под соломой гроб, обёрнутый рогожею. Три жандарма сутились на почтовом дворе, хлопотали о том, чтобы скорее перепрячь курьерских лошадей и скакать дальше с гробом. — Что это такое? — спросила моя жена у одного из находившихся здесь крестьян. — А бог его знает что. Вишь, какой-то Пушкин убит — его мчат на почтовых в рогоже и соломе, прости господи, как собаку». Похоронный поезд ехал с необычайной по тем временам быстротой, несмотря на сильные морозы. Торопившиеся ямщики сбились с пути и вместо монастыря подъехали к Тригорскому. Младшая из дочерей Осиповой так

вспоминала впоследствии об этом последнем посещении Тригорского уже мёртвым Пушкиным. «Когда произошла эта несчастная дуэль, я с матушкой и сестрой Машей была в Тригорском, а старшая сестра, Анна, в Петербурге. О дуэли мы уже слышали, но ничего путём не знали, даже, кажется, и о смерти. В ту зиму морозы стояли страшные. Такой же мороз был и 5 февраля 1837 г. Матушка недомогала и после обеда, так часу в 3-м, прилегла отдохнуть. Вдруг видим в окно: едет к нам возок с какими-то двумя людьми, а за ним — длинные сани с ящиком. Мы разбудили мать, вышли навстречу гостям. Видим, наш старый знакомый, Александр Иванович Тургенев. По-французски рассказал Тургенев матушке, что приехали они с телом Пушкина, но, не зная хорошенко дороги в монастырь и перезябши вместе с вёзшим гроб ящиком, приехали сюда. Какой, ведь, случай! Точно Александр Сергеевич не мог лечь в могилу без того, чтобы не проститься с Тригорским и с нами. Матушка оставила гостей ночевать, а тело распорядилась везти теперь же в Святые Горы вместе с мужиками из Тригорского и Михайловского, которых отрядили копать могилу. Но её копать не пришлось: земля вся промёрзла — ломом пробивали лёд, чтобы дать место ящику с гробом, который потом и закидали снегом. Наутро, чем свет, поехали наши гости хоронить Пушкина, а с ними и мы обе — сестра Маша и я, — чтобы, как говорила матушка, присутствовал при погребении хоть кто-нибудь из близких. Рано утром внесли ящик в церковь, и после заупокойной обедни всем монастырским клиром с настоятелем, архимандритом, столетним стариком Геннадием во главе, похоронили Александра Сергеевича в присутствии Тургенева и нас, двух барышень. Уже весной, когда стало таять, распорядился Геннадий вынуть ящик и закопать его в землю уже окончательно. Склёп и всё прочее устраивала сама моя мать, так любившая Пушкина, Прасковья Александровна. Никто из родных так на могиле и не был».

«Площадка—шагов в двадцать пять по одному направлению и около десяти по другому. Она похожа на крутой обрыв. Вокруг этого места растут старые липы и другие деревья, закрывая собою вид на окрестность. Перед жертвенником есть небольшая насыпь земли, возвышающаяся над уровнем с четверть аршина. Она укладена дёрном. Посредине водружен чёрный крест, на котором из белых букв

складывается имя: «Пушкин», — так рисует П. А. Плетнёв общий вид могилы вскоре после похорон.

Похоронив поэта, Тургенев писал Жуковскому из Пскова: «Мы предали земле земное на рассвете. Я провёл около суток в Тригорском у вдовы Осиповой, где искренне оплачивают поэта и человека в Пушкине. Везу вам сырой земли, сухих ветвей и только...»

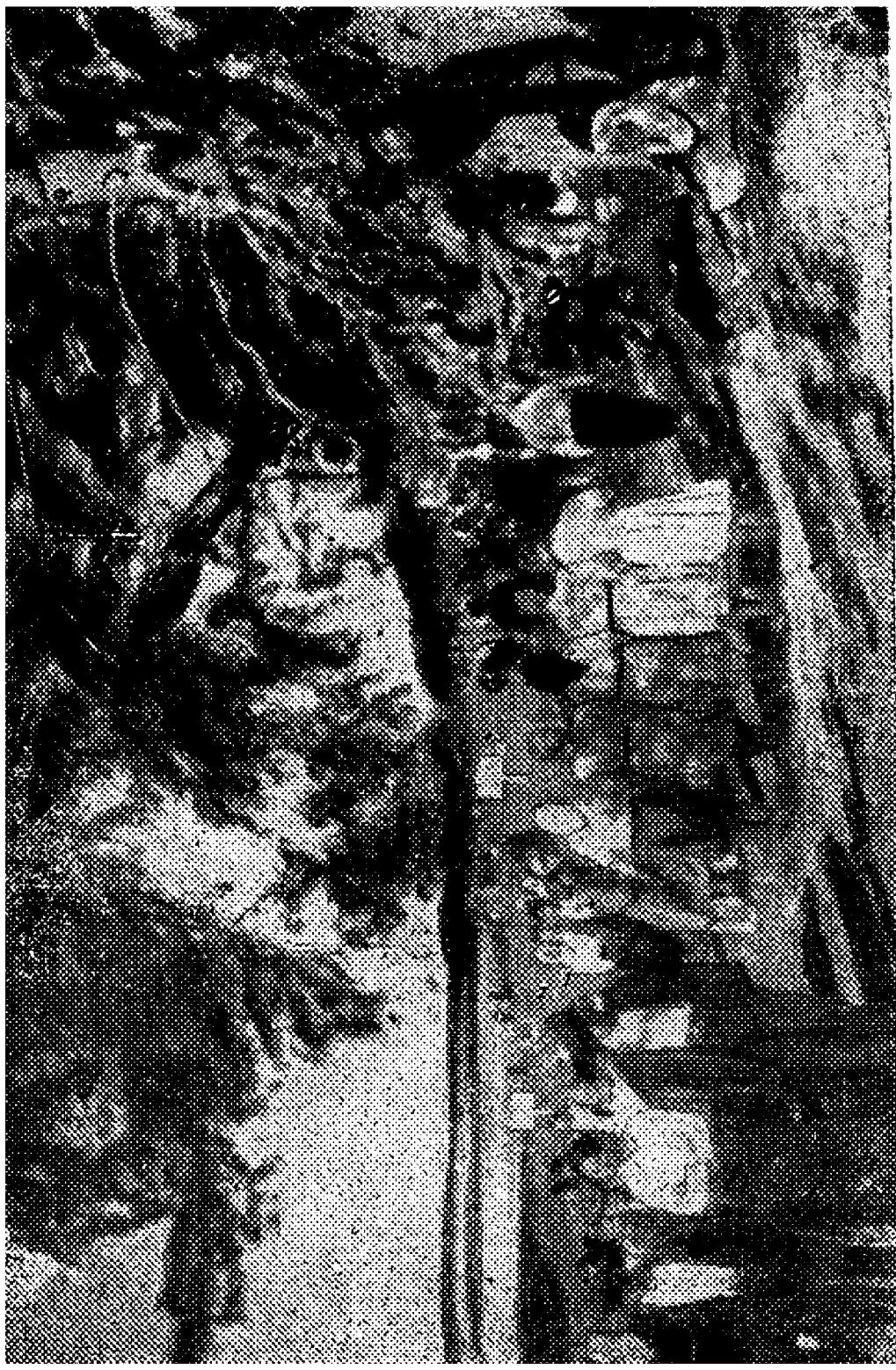
Не только в Тригорском, но и во всей России всё лучшее и передовое переживало гибель поэта как всенародное бедствие, как тяжёлое горе, как незаменимую потерю.

В тысячах списков разошлись по всей стране написанные уже 30-го января, «облитые горечью и злостью» стихи Лермонтова:

Погиб поэт! — невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордою головой!..

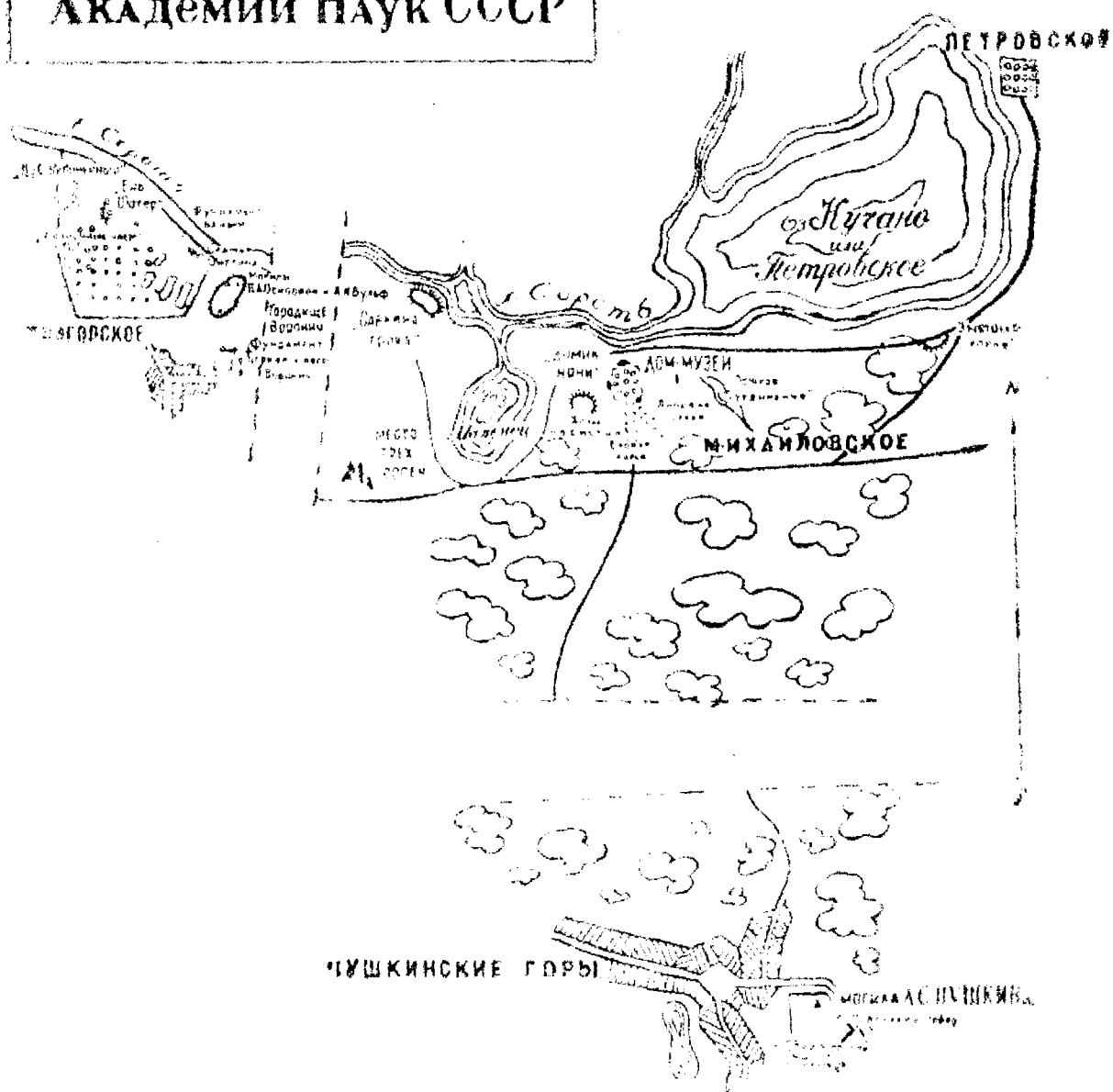
Подлинным отчаянием дышит письмо лицейского товарища Пушкина, Матюшкина, лиценсту же Яковлеву: «Пушкин убит! Яковлев! Как ты это допустил? У какого подлеца поднялась на него рука?..» «Роковая пуля встретила бы мою грудь, я бы нашёл средства сохранить поэта-товарища» — писал Пущин и добавлял: «В грустные минуты я утешал себя тем, что поэт не умирает, и что Пушкин мой всегда жив для тех, кто, как я, его любил, и для всех умеющих отыскивать его, живого, в бессмертных его творениях...»

Тайно увозя тело Пушкина из Петербурга в далёкую псковскую деревню, николаевские жандармы хотели скрыть поэта, которого боялись и мёртвого, от глаз народа, спрятать в глухи псковских лесов его могилу. Они не понимали, что могли затравить и убить Пушкина, но уничтожить память о великом поэте, всепокоряющую силу его вольнолюбивых творений, заставить зарости народную тропу к его могиле было не в их власти. И Пушкин продолжал жить в народе. Его светлое имя писали на своих знамёнах революционеры-демократы Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов. Томик его стихов возил с собою в ссылку В. И. Ленин. На его творениях воспитывались мастера пролетарского искусства. Великая Октябрьская социалистическая революция сделала Пушкина доступным миллионам. Народ, борьбе за свободу и счастье которого Пушкин отдал

Народное гуляние в Михайловском, посвященное 147-й годовщине со дня
рождения Пушкина, 9 июня 1946 г.
Фото А. Л. Вакк.

ПУШКИНСКИЙ
ЗАПОВЕДНИК
Академии Наук СССР

План Пушкинского заповедника.

все свои творческие силы, всю свою жизнь, не может не ценить, не любить, не чтить памяти своего поэта.

Пушкин верил в силы своего народа, в его светлое счастливое будущее. Это рождало великую жизнеутверждающую силу его стихов.

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.

Живой Пушкин говорит с нами со страниц своих бессмертных творений. Его мужественный голос учит любить Родину, зовёт на подвиги во имя её свободы и процветания, вдохновляет на славные победы над врагами человечества. Он продолжает внушать ненависть и страх нашим врагам. Недаром немецко-фашистские захватчики с осторожением бешеных зверей разрушали, жгли дома, рубили парки его родного Михайловского и пытались взорвать его могилу. Но тем крепче к нему любовь народа, тем ближе и дороже он нам.

В жестоком смертельном бою и в мирном созидательном труде Пушкин с нами — наш гений, неистощимый источник высоких мыслей и благородных чувств, «величайшая гордость наша и самое полное выражение духовных сил России!».

Поэт не ошибся, когда пророчески говорил о себе:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастёт народная тропа...

ПРИЛОЖЕНИЯ

Основные даты жизни и творчества Пушкина в Михайловском

- 1817 г. Середина июля — конец августа. Пушкин отдыхает в Михайловском по окончании Лицея. Написано стих. «Простите, верные дубравы...»
- 1819 г. Середина июля — середина августа. Пушкин отдыхает в Михайловском после болезни. Написано стих. «Деревня» и др.
- 1824 г. 9 августа. Пушкин приезжает в Михайловское в ссылку.
2 октября. Окончена III глава романа «Евгений Онегин».
10 октября. Окончена поэма «Цыганы».
Конец года. Начаты IV глава романа «Евгений Онегин» и трагедия «Борис Годунов».
В этом году написаны: «Разговор книгопродавца с поэтом», «К морю», «Подражание Корану», «Второе послание к цензору», «Сожжёное письмо» и др.
- 1825 г. 11 января. Приезд в Михайловское И. И. Пущина, лицейского товарища Пушкина, будущего декабриста.
15 февраля. Выходит в свет I глава романа «Евгений Онегин».
Середина апреля. Приезд в Михайловское поэта А. А. Дельвига, лицейского товарища Пушкина.
Июнь — июль. Встречи с А. П. Керн.
19 июля. Написано стих. «К А. П. Керн» («Я помню чудное мгновенье...»)
Июль. Закончена I часть трагедии «Борис Годунов».
Начало сентября. Встреча с кн. А. М. Горчаковым, лицейским товарищем.
7 ноября. Окончена трагедия «Борис Годунов».
13 — 14 декабря. Написана поэма «Граф Нулин».
Конец декабря. Пушкин узнаёт о восстании 14 декабря в Петербурге.
В этом году написаны: «Андрей Шенье», «Жених», «Вакхическая песня», «19 октября», «В крови горит огонь желанья», «Зимний вечер», сцена из «Фауста» и др.
- 1826 г. 3 — 4 января. Окончена IV и начата V глава романа «Евгений Онегин».
Середина июня. Приезд поэта Н. М. Языкова.
24 июля. Пушкин узнаёт о казни пяти декабристов.
Конец июля. В Опочецкий уезд прислан тайный агент Боянек для выяснения поведения и политических настроений Пушкина.

- 4 сентября. Пушкин с фельдъегерем отправляется в Москву.
 Ноябрь — декабрь. Пушкин снова в Михайловском. Пишет «Записку о народном воспитании». В этом году написаны: «Песня о Сеньке Разине», «Пророк», «Пущину» и др.
- 1837 г.** Конец июля. Пушкин приезжает в Михайловское. Начат роман «Арап Петра Великого». Сентябрь. Начата VII глава романа «Евгений Онегин». 14 октября. Пушкин уезжает из Михайловского в Петербург.
- 1835 г.** 8 — 12 мая. Пушкин в Михайловском и Тригорском. 10 сентября. Пушкин снова приезжает в Михайловское, работает над «Сценами из рыцарских времён».
- 1836 г.** 26 сентября. Написано стих. «Вновь я посетил...».
- 1837 г.** Начало апреля. Пушкин приезжает в Михайловское с телом матери.
- 1837 г.** 5 февраля. Тело Пушкина прибывает в Святогорский монастырь. 6 февраля. (18 февр. н. с.), на рассвете — похороны Пушкина в Святогорском монастыре.

Основные даты истории Пушкинского заповедника

- 1742 г.** 12 января. «Михайловская Губа» пожалована императрицей Елизаветой прадеду Пушкина А. П. Ганибалу.
- 1781 г.** Михайловское, после смерти А. П. Ганибала, переходит по наследству к его сыну О. А. Ганибала, деду Пушкина.
- 1806 г.** Михайловское, после смерти О. А. Ганибала, переходит по наследству к И. О. Пушкиной, матери поэта.
- 1836 г.** Михайловское, после смерти И. О. Пушкиной, переходит по наследству к А. С. Пушкину, его брату и сестре.
- 1837 г.** Михайловское, после смерти А. С. Пушкина, переходит по наследству к его детям. Из них жил в Михайловском Г. А. Пушкин, с 1866 по 1899 г. Дом, в котором жил А. С. Пушкин, Г. А. Пушкин продал и построил на его месте новый.
- 1841 г.** На могиле Пушкина в Святогорском монастыре поставлен памятник.
- 1899 г.** Г. А. Пушкин продал Михайловское дворянскому банку. В Святых Горах праздновалось столетие со дня рождения Пушкина.
- 1899 —** Михайловское находится в ведении псковского дворянства, организовавшего в нём колонию для престарелых писателей и учителей (жило в колонии всего 3—4 человека). В 1911 году по проекту академика Щуко построен в Михайловском новый Дом-музей взамен сгоревшего и два флигеля.
- 1918 —** Михайловское охраняется местными советскими органами и крестьянами. Башкирская бригада Красной Армии отремонтировала «Домик няни».
- 1922 г.** 17 марта. Декретом советского правительства Михайловское, Тригорское и могила Пушкина в Святогорском монастыре объявлены Государственным заповедником.

- 1924 г.** 9 августа. Народное чествование памяти Пушкина в Михайловском в связи с 100-летием со дня приезда поэта в Михайловскую ссылку.
- 1933 г.** Пушкинский заповедник передан в ведение Академии Наук СССР.
- 1936 г.** К заповеднику присоединены Савкина горка, Петровское и вся территория Святогорского монастыря. В Михайловском построен новый Дом-музей вместо сгоревшего в 1918 г., проведены реставрационные работы в парках, установлен ежегодный праздник трудящихся района и области — День рождения Пушкина, 6 июня.
- 1937 г.** Февраль. Народное чествование памяти Пушкина на его могиле в столетнюю годовщину со дня смерти поэта.
- 1941 г.** Июль. Пушкинский заповедник временно оккупирован немецко-фашистскими войсками. Гитлеровские мерзавцы преднамеренно разрушили памятники заповедника, разграбили и сожгли Дом-музей, «Домик няни», взорвали собор и другие постройки Святогорского монастыря, вырубили до 30 тысяч кубометров леса. Могилу поэта тщательно заминировали и пытались взорвать.
- 1944 г.** 12 июля. Пушкинский заповедник освобождён частями Красной Армии.
- 30 июля. Пушкинский заповедник посетила Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников.
- 30 августа. Опубликован Акт Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Пушкинском заповеднике и передовая статья Ц. О. «Правды» — «Злодеяния немецких извергов на могиле Пушкина».
- 1945 г.** 21 апреля. Постановление Президиума Академии Наук СССР о срочном восстановлении Пушкинского заповедника, «как одного из крупнейших культурно-исторических и научных памятников Союза ССР».

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. А. С. Пушкин. С портрета раб. худ. В. А. Тропинина. 1827 г.
2. Петровское. Аллея карликовых лил. Фото М. Н. Муравейского.
3. Михайловское. Литография по рисунку землемера Иванова. 1837 г.
4. Михайловское. Еловая аллея. Фото М. Н. Муравейского.
5. Михайловское. Липовая аллея. Фото М. Н. Муравейского
6. Пушкин и Пущин в Михайловском. С картины Н. Н. Ге. 1875 г.
7. Михайловское. Фундамент Дома-музея Пушкина, разрушенного немецко-фашистскими захватчиками. Фото. 1944 г.
8. Тригорское. Вид с берега Сороти. Фото М. Н. Муравейского.
9. Тригорское. «Дуб уединенный». Фото М. Н. Муравейского.
10. Тригорское. «Скамья Онегина». Фото М. Н. Муравейского.
11. Городище Воронич. Фото М. Н. Муравейского.
12. Святогорский монастырь и могила Пушкина. Литография по рисунку землемера Иванова. 1837 г.
13. Собор Святогорского монастыря, разрушенный немецко-фашистскими захватчиками, восстанавливается. Фото Ф. И. Овсянникова. 1946 г.
14. Могила Пушкина.
15. Члены Государственной Чрезвычайной комиссии на могиле Пушкина. Фото. Август 1944 г.
16. Народное гуляние в Михайловском 9 июня 1946 г. Фото А. Л. Валк.
17. План Пушкинского заповедника. Фото М. Н. Муравейского

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр
I. Прошлое и настоящее Пушкинского заповедника	3
II. Петровское	14
III. Михайловское	18
IV Тригорское	45
V. Исторические памятники в окрестностях Михайловского и Три- горского	58
VI. Могила Пушкина	68
Приложения	
Основные даты жизни и творчества Пушкина в Михайловском	74
Основные даты истории Пушкинского заповедника.	75
Список иллюстраций	77

Отв. редактор проф. Модзалевский Л. Б
Технич. редактор Крейндель М. И.
Корректор Байкова Т. Н.
Сдано в набор 6/II 1947 года.
Подп. к печати 3/IV 1947 года
Формат бумаги 60 × 92 см.
Печати. листов—5 + вклейки
17 иллюстр. Тираж—8000
Заказ № 1724. ТЖ 00258
Тип. „Псков. Правда“
Облполиграфиздата.